

ИЛЪЯС НАЙМАРОВ

ДЪИ
ЗА ГРАНЬЮ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ильяс Найманов

Дни за Гранью

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Найманов И.

Дни за Гранью / И. Найманов — «ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-5321-2714-2

Группировка Монолит, самая сильная группировка в Зоне, пресекающая все попытки сталкеров добраться до Исполнителя. Так ли она сурова и безжалостна, как выглядят ее действия? Какие механизмы и рычаги подвластны этой таинственной организации? Что могут они противопоставить сталкеру, идущему к Исполнителю, и на что способен сталкер ради достижения своей цели? Мы будем бороться и за и против, будем мишенью и стрелком, будем совершенно случайным попавшим в настоящую Зону человеком, следя за каждым шагом противоборствующих сторон. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2714-2

© Найманов И., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Глава 1. День 1. Ходок	6
Глава 2. День 3. Срез	11
Глава 3. День 6. Старик	15
Глава 4. День 10. Спасательная операция	21
Глава 5. День 13. Гость	26
Глава 6. Ход до базы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Моему другу, Левину Владимиру Николаевичу, посвящается.

Годы жизни 18.06.1980 – 01.11.2015

Годы дружбы 1984 – 01.11.2015

Светлая тебе память

Глава 1. День 1. Ходок

Что может быть хорошего в сером дожде с вечно хмурого, измятого, словно скомканная простыня, утреннего неба, вяло роняющего небольшие прозрачные капли на влажно поблескивающий бетон, на скудную сероватую листву, на остатки выбитых стекол? Кто-то вяло пошутит: сырость, кто-то – простуда и мокрые ноги... Все верно, сырость это да, сырость это непрактично, но если привыкнуть и не допускать ее к телу, то, в общем-то, это не беда. Да и кроме того, простуда – понятие, в Зоне практически забытое: не получается людям заболеть ею, ни сталкерам, ни долговцам, ни свободовцам, ни бандюгам-отморозкам, ни уж тем более нам, бойцам группировки Монолит. Если и есть простуда, то это что-то другое, что поначалу под простуду маскируется...

Монолитовец по прозвищу Дым тихо стоял на своем посту. Небольшие капли дождя, летящие с высоты, тихо разбивались о прочную скорлупу шлема, стекали прозрачными дорожками по шлейфу подшлемника, специально вывернутого наружу, чтобы дождь не затекал внутрь, за короткий воротник бронекостюма, и, дальше сливаясь со своими каплями-близнецами, стекали по накинутому поверх бронекостюма плащу на бетон. Кому-кому, а ему дождь в Зоне нравился всегда, особенно утром, когда все тихо. В Зоне вообще практически всегда тихо. Редко прозвучит одинокий выстрел снайпера или кратковременный яростный кинжальный огонь устроивших засаду на людей бандитов, а тоскливый вой слепых псов или холодный, лютый вой псевдособаки, наоборот, только подчеркивают молчаливую тишину Зоны.

Дым любил дождь еще с тех пор, как он ходил по ту сторону их малого периметра вокруг ЧАЭС, отделяющего территорию Монолита от остальной Зоны. Сначала он бродил вольным сталкером, потом, правда недолго, долговцем, а потом так случилось, что он остался с Монолитом. Монолитовец внутренне улыбнулся, вглядываясь сквозь поляризованное забрало психлема в практически невидимый, даже в дождь, слабо подрагивающий перед ним от накопленного напряжения гигантский «трамплин». Находясь на первом этаже полуразрушенной двухэтажной постройки, он мог бы сместиться к другому оконному проему, где была крыша над головой, но тогда он лишал бы себя необъяснимого удовольствия ощущать едва заметные удары дождя по экипировке, дышать и жить этим прозрачным настроением. Монолитовец отпустил правую руку, удобно лежавшую на прикладе СВД, и протянул ладонь перед собой, пытаясь ощутить силу и тяжесть практически невесомых капелек дождя. Сама винтовка осталась покоиться на сгибе локтя левой руки стволом вверх. Несколько капель угодливо приземлилось на теплую, пока еще сухую ладонь, и, на мгновение задумавшись, они потекли по линиям на ладони. Монолитовец сложил ладонь ковшиком, пытаясь удержать их и набрать больше воды в руку. Это был хороший дождь, с чистой водой, не несущий из атмосферы ионизированные остатки Выброса, не смывающий с лица Зоны очередную печаль человечества. В таких случаях вода была бы едва заметного красного оттенка, как небо во время Выброса, либо несла бы в себе такую тоску, от которой самый мужественный сталкер готов был завывать, как слепой пес, либо заливаться водкой до полного беспамьятства. Но ему здесь и сейчас было хорошо и уютно, как может быть человеку, привычно занимающемуся своим несложным делом. Прямо перед ним простиралась относительно чистая, трехсотметровая в ширину полоса, занятая лишь нечастыми аномалиями да занявшим круговую оборону по внутренней части контрольной полосы горохом. Полоса опоясывала всю территорию ЧАЭС, которую занимала группировка Монолит, сплошным коварным кольцом отделяла границу, пересечение которой каралось верными стражами, как людьми, так и самыми редкими аномалиями, а в некоторых случаях и вещами, не имеющими отношения ни к тем ни к другим, например горохом.

Горох – это местное растение, относительно недавно культивируемое Хозяевами и рассаженное вдоль охраняемой линии. «Ну и что, что горох», – скажете вы, ан нет, это только название безобидное, на самом деле жуткое изобретение. По виду зеленая трава и вьется по земле, ну не как горох, конечно, скорее как плющ, только еще и витки такие делает, как колючая проволока с катушки, и колючек-то на нем не видно, только листья, а колючки до поры до времени плотно прижаты к стеблю. Если тронуть такую травку, то горошек оживает, сначала наползая накидывает пару петель на руку или ногу, а потом, если уже дернуться с этими петлями, то непременно на бедолагу бросятся еще десяток петель, и если у него ума не хватит замереть и молиться, чтобы горошек сполз обратно, а он начнет барахтаться, тогда и все растение на него залезет. Ну а дальше – каюк, проще застрелить беднягу, чтобы не мучился, потому что горох душить будет долго, слишком долго. А резать его непросто, стебли жесткие, хоть и гибкие, ножу почти не подчиняются, не зря его вывели, наверное, проще кусачками, но что-то я не видел, чтобы сталкеры с кусачками для колючей проволоки в руках сюда добирались. Попались последними пара ходоков на эту живую изгородь, сошли с тропы, решили прийтаться. Детектор растение за аномалию не считает, вот и сцапал их горошек, одному кожу до костей разрезал, задушил, другого в экзоскелете так скрутил, что зеленый холм вместо человека образовался, весь горох с нескольких метров собрал. Но тот жив остался, только, к тому времени как освободили, умом тронулся. Здесь, рядом с Исполнителем, простому человеку нельзя без движения. Ушел в «трамплин», благо в экзоскелете чтобы ходить силы не надо почти, разлетелся он с местного «трамплина» на кусочки, как чучело с гранаты, мы таким не мешаем. Да, забыл сказать, огня горох боится, как... огня, если может, то отстраняется, если не может – горит, как обычная трава, да и пахнет приятно, несильно так, успокаивающе.

Дальше, за трехсотметровой контрольной полосой, начинался Мертвый Лес. А тут, наоборот, название страшное, а лесок так себе, не лесок, а лесополоса. Небольшой, шириной метров сто, сто пятьдесят, не сплошным кольцом, но в основном везде стоит за трехсотметровой контрольной. Деревья в нем – только тополя и осины выжили, все попутанные жгучим пухом. Отсюда и начинается Зона, для ЧАЭС она снаружи. Выброс кроет как раз начиная с Мертвого Леса и дальше до Периметра. Вот топлям и осинам пришлось как-то в симбиоз войти со жгучим пухом, пух их от Выброса экранирует, а они его прикармливают, видимо. Только от этого симбиоза деревья стали совсем коричневые, иногда почти черного цвета, вместе с листьями, хотя живые, а жгучий пух наполовину или больше перестал быть жгучим, что поделать, жить-то ему тоже хочется, а на открытом месте он не держится. Так вот и живет лесок своими делами, мутантов там почти нет, есть нечего, если только залетные, которые за сталкерами по следам придут. А прочих Выбросы отсюда гонят и с Монолитом, мутантам соседство не по душе, в любом случае в сторону контрольной полосы ни одна песья морда с угрозой не выглядывала.

Несколько часов Дым простоял каменным изваянием, по пояс скрытый кирпичной кладкой дома. Там позади него стоял его второй номер с гауссом. Напарник сидел спиной к стене, закрыв глаза, его глазами в настоящий момент был Дым. В их сегодняшней связке Дым был первым номером, а Заур вторым. По именам они друг к другу не обращались не в силу того, что Зона вычислит их, она их уже вычислила, а в силу старых сталкерских привычек. Близость Монолита или, как его называют в большинстве случаев, Исполнителя Желаний, этого рукотворного, но созданного, видимо, не без посторонней помощи извне устройства вносила свои коррективы в быт самих Монолитовцев, людей, выполняющих простую физическую работу. Поскольку Исполнитель был настроен на определенную частоту мозговых волн человека и срабатывал так же автоматически, частично затаскивая в местную реальность кратковременные, фрагментарные проявления желаний окружающих его людей, уже давно был изобретен и использовался пси-шлем. Суть этого шлема была очень проста: кроме функций обычного боевого или тактического шлема он экранировал мозг бойца от внешнего воздействия, различных

психогенных факторов и перемодулировал, усиливал и пересылал мозговые сигналы одного человека на другой такой же приемно-передающий модуль, монтирующийся в каждом шлеме. Оттуда уже передавался другому человеку, в виде образов, эмоций, динамических образов и предэмоциональных импульсов, заменяющих приказы. Принцип прост: если у любого существа в мозгу постоянно возникают электрические сигналы, то это сродни радиостанции, а усилить, переслать, отловить снова и перенаправить сигналы на соответствующие части головного мозга уже дело техники, которая, собственно, здесь уже давно перешла к более серьезным вопросам. Кстати, сам модуль, отвечающий за весь процесс, был не больше таблетки аспирина, его мощности хватало, чтобы в местных условиях обеспечить связью по прямой на пару километров, этого было более чем достаточно. В случае необходимости подключался ретранслятор переносной станции, и связь усиливалась до десятка километров. Эта частота волны, продуцируемая мозгом, меньше всего забивалась и искажалась различными аномалиями и психогенными источниками. Поэтому бойцы группировки Монолит практически не разговаривали в обычном смысле, им незачем это было, вся связь происходила, как бы это волшебнически ни звучало, телепатически. Зато сталкеры, наблюдавшие, столкнувшись в бою с группировкой, безмолвные согласованные действия противника, считают их удивительно прыткими зомби, беспрекословно подчиняющимися Монолиту, и прочей мистикой. Ничего подобного. Люди, обычные люди, и что еще нужно сказать, мозг каждого человека уникален, еще более чем отпечатки пальцев, поэтому бойцы группировки передают информацию и разговаривают не со всеми, а с конкретным человеком, хотя могут и с группой. Это было серьезным преимуществом. Кроме того, что исключалась возможность осознанной дезинформации, для сохранения целостности группировки, исключая появление в их рядах «засланных казачков», сам обмен сообщениями становился более красочным, емким и кратковременным. К примеру, возможный вербальный минутный разговор относительно подозрительных движений на посту сводился к нескольким секундам телепатического обмена, после чего определялся обоюдный план действий и пара действовала самостоятельно, либо вызывала подкрепление, либо запрашивала приказ у первых номеров. Расскажу еще чуть дальше. Войсковой порядок и субординация определялись в зависимости от опыта и практических знаний бойцов. В каждом подразделении номера присваивали из командного центра, и это не обсуждалось. В нынешней дежурящей на посту двойке более опытным был Дым, не исключено, что если бы в отряде находилось пять-десять человек, его номер был бы вторым, третьим, в зависимости от сложности задачи, но также, вероятно, и первым. Всего на сегодняшний день группировка насчитывала сто шестьдесят девять бойцов, в абсолютном значении его номер был тридцать седьмым, новоприбывшим изначально давались самые последние номера, которые впоследствии пересматривались, опять же в зависимости от опыта и ментальной начинки бойца.

Таким образом, второй номер мог спокойно сидеть в укрытии с закрытыми глазами, спиной к охраняемому участку, пользуясь предоставляемой ему информацией от первого номера.

А Дым тем временем забыл про дождь, всматриваясь сквозь его прозрачную пелену и «трамплин» в контрольную полосу и подлесок. Что-то определенно происходило, пусть не самое серьезное, но из разряда неприятного. Не найдя ничего подозрительного, но повинувшись чутью, он перешел-таки в соседний проем слева от него, который лишь наполовину закрывала сидящая под окном аномалия, и уже в оптический прицел винтовки выставился на Мертвый Лес, хорошо видимую, ведущую к их посту тропу, поводя немного стволом из стороны в сторону. Второй номер неотрывно следил его глазами за ситуацией, по-прежнему находясь за глухой стеной второго этажа метрах в двадцати позади Дыма. И снова ничего, кроме темных, перешитых друг с другом жгучим пухом тополей и осин, низкой пожухлой травы, пучками торчащей на контрольной полосе, да едва заметно преломляющей пространство из-за идущего дождя, видимой только если знаешь что ищешь, аномалии «паутинка». Внутренне собравшись, Дым, вдохнув сырой воздух, несущий запах мокрой травы и едва заметный запах

мокрого бетона, закрыл глаза, пытаясь по ощущениям выявить степень угрозы. Дождь размеренно шелестел по листве гороха, внушая успокоение, утреннее хмурое небо освежал сырой холодок ветра, но внутри у Дыма разгорался пожар. Кто-то присутствовал на тропе, еще в самом ее начале, но определенно этот кто-то уже выдвинулся из Мертвого Леса и затаился на границе контрольной полосы, осматриваясь. Человек, не мутант. Мутанты не вызывают у Дыма тревоги, а искажение общего фона, идущее от начала тропы, у леска, может производить только очень сильный соперник – сталкер. Сталкер-ходок, тот сталкер, который пришел в Зону не за ее сокровищами, а к Исполнителю Желаний, таких сталкеров можно назвать матерыми, несмотря на свой иногда молодой возраст, они быстро становились ветеранами выживания на этих землях.

Они играют по правилам Зоны, выигрывают партию за партией, будучи умнее, сильнее и хитрее Зоны, и постепенно добираются сюда, к постам Монолита, а исключения доходят и до Исполнителя. Теперь Дым не сомневался в правильности определения угрозы, как и в том, что ходок не пойдет дальше, он простоит на границе подлеска, изучая каждый метр тропы, чтобы через какое-то время, может не сегодня, пройти еще дальше. Ходок ведет свою игру, именно поэтому он, скорее всего, в целостности и сохранности дошел до Мертвого Леса, а теперь изучает и постройки, в которых располагается пост. Дым буквально почувствовал, как взгляд сталкера изучает контуры полуразрушенных двухэтажек, цепляясь за каждую трещинку и выступ в стене. Монолитовец бесшумно присел, исчезая из и так еле проглядываемого сумеречного освещения в окне. «Заметил или нет?» – прикинул Дым. Выдавать свои позиции раньше времени не было его тактикой.

Взгляд сталкера задержался на пространстве перед окном, еще не видя, но интуитивно и по косвенным признакам определяя местонахождение аномалии и вид аномалии – «трамплин».

«Надо же, какой глазастый», – невольно восхитился монолитовец, шестым чувством следя за сталкером, одновременно понимая, что если дать ходоку еще пару секунд на раздумье, то он вычислит «трамплин», а соответственно, и вероятное месторасположение поста. Не исключено, что ходок знает о посте, но сейчас пытается увидеть все собственными глазами, монолитовец же, несмотря на отменное чутье и возможность первому разглядеть сталкера, так и не смог отыскать его. «Ну, не я, так другие тебя найдут», – недобро подумал Дым и выстрелил из СВД через оконный проем в небо. Это был сигнал, но не для монолитовцев, это был сигнал к трапезе тем единицам мутантов, которые ошивались недалеко или внутри Мертвого Леса, подбирая раненых или убитых на контрольной полосе сталкеров. Он почувствовал, как слегка дрогнул нервами, но не страхом от неожиданности ходок и замер, догадываясь, что его раскусили, но все еще не понимая смысла этого выстрела. Дым встал и аккуратно, чтобы не быть замеченным, прислонился к первому оконному проему, полностью перекрытому прозрачным «трамплином», вглядываясь в подлесок. Так и есть, на выстрел из куста выскочила пара крупных слепых псов, водя безглазыми мордами из стороны в сторону, и, на секунду замешкавшись, они вдруг двинулись к пустой тропе. «От этих не спрячешься», – удовлетворенно подумал Дым, следя за их движениями. Мутанты постепенно ускоряли бег, уже, видимо, определив жертву, но монолитовец все еще не видел ходока, словно это был притаившийся кровосос. Наконец, пространство в тридцати метрах перед псами зашевелилось, мелькнул ствол винтаря, и бесшумные очереди, видимо, с экспансивным боеприпасом откинули и свалили сначала одного пса, а затем, уже практически с пары метров, распустили несколько красных цветков на груди и шее второго пса, мгновенно прервав его атакующий бросок. Ходок, успев перезарядиться, тут же добил ближнего, а затем и дальнего пса прицельными выстрелами.

Только во время движения Дым заметил реальные контуры человека. После того как сталкер убил второго пса, он замер, мгновенно слившись с фоном. Дым удивленно обратился к Зауру, который по-прежнему сидел спиной к стене, но уже готовый к действию. «Видел, – при-

шел ответ второго номера, – не высовывайся». Но Дым и не пытался ничего предпринимать, его внимание привлек запоздавший на разборку снарк. Видимо, и снарк не сразу разглядел ходока, довольно неуверенно приближаясь к цели, но метрах в двадцати он опознал жертву и, взревев перед прыжком, тут же получил несколько попаданий в голову и рухнул, не успев прыгнуть. После этого вновь ставший заметным ходок подошел ближе. Зная о живучести мутанта, сталкер подтащил его худое тело к «паутинке», куда легко его и забросил. Но не моментальная реакция сталкера, не его знание о редкой аномалии «паутинка» больше всего сейчас интересовало Дыма: во время перемещения сталкера на его поясе, хорошо видимые через оптический прицел, светились артефакты. Характерный красноватый отблеск нескольких «маминых бус», защищающих от огнестрельного оружия, синие всполохи, наверняка «снежинки» или «лунный свет» для выносливости, зеленоватый «пузырь» от радиации и еще, и еще, наверное, с десятков редких и сильных артефактов нес на себе ходок. «Такого с выстрела не возьмешь, пришла пора знакомиться», – понял Дым, показываясь во весь рост в оконном проеме, по-прежнему глядя на сталкера через оптику винтовки и стараясь рассмотреть его лицо и глаза. Дым знал, что стоящий перед ним «трамплин» стрелковым оружием пробить невозможно, а Заур, уже прищутив один глаз, также разглядывает ходока через прицел гаусс-винтовки, определяя слабые места сталкера. Чтобы подстрелить перекрытого артефактной защитой сталкера, нужен был один хороший выстрел, но делать выстрел просто в силуэт бесполезно. «Мамины бусы» и, вероятно, еще пара усиливающих их свойства артефактов наверняка отведут пулю от живого тела сталкера, заставив ее скользнуть вдоль кожи, и выстрел из не скорострельной, но мощной винтовки будет потерян, дав возможность ходоку скрыться. Для эффективного попадания второй номер искал, то что может помочь постороннему предмету войти в контакт с телом, лучше всего металлическая часть экипировки. Артефакты, притороченные к поясу, надежно хранили живую плоть, но не особо сохраняли неодушевленные предметы, одежду и оснастку сталкера.

Появление монолитовца в проеме не оказалось незамеченным для сталкера. Ходок вскинул винтарь и, глядя через мушку на человека, замер, но теперь часть его силуэта, а точнее обе руки, винтовка и часть лица были видны, все остальное слилось с фоном. Оптике на винтаре не было, оно и ни к чему, для ближнего боя она только мешает, а до дальнего боя, видимо, по причине исключительного умения маскироваться, просто не доходило. Секунда напряжения. Через мгновение винтарь сталкера дикой силой был выбит из рук, стальной пулей гаусс-винтовки, отбитые руки и, видимо, пострадавшая от удара голова мотнулась в сторону. Но сталкер был жив и практически не пострадал. Через секунду человек, потерявший было равновесие, метнулся в Мертвый Лес. Но оба монолитовца знали: игра этого ходока только началась.

Глава 2. День 3. Срез

Небольшой, чистый от аномалий участок земли тридцать на десять метров, окруженный высокими мрачными соснами, недалеко от периметра Монолита. Пятерка монолитовцев охраняет это место, один из них Дым, сейчас он номер первый. Это особое место, здесь Хозяева проводят эксперименты. Это как раз те эксперименты, которые, для безопасности самой же группировки, делаются за пределами их территории. Здесь ученые вскрыли саму материю пространства, оставив незаживающий рубец, который назывался пространственным срезом. Срез выглядел как темное стекло и всегда получался длинным, длиной метров десять, а само «толстое стекло», или разрезанное пространство Зоны, в ширину, казалось, было около метра и около трех метров в высоту. Не знаю, как выглядел это срез с той стороны, я имею в виду, с той стороны другого пространства, но через это стекло, в принципе, может пройти любой желающий и оказаться уже в альтернативной реальности, и неизвестно в каком времени, и вообще неизвестно где. Лично у меня сходить и посмотреть, что там, никогда искушения не возникало. Тот, кто видел, что может прийти с той стороны, один или два раза, редко захочет еще раз подойти близко к этому полупрозрачному затемнению.

Именно поэтому Хозяева и не делают срезы на своей внутренней территории. Сами пространственные срезы затем штопаются. Само собой, весь процесс управляется из недр ЧАЭС, сюда как раз прямой наводкой направлено несколько излучателей, по виду напоминающих сеточные антенны, но, как бы срез идеально не заштопали, всегда есть вероятность, что рано или поздно что-то просочится через уже ставший невидимым рубец. А то, что проскакивает с той стороны, на редкость, друзья мои, нехорошие штуки, я бы даже определил их как стремные... Чувствуете, какие они бывают?

Не зря все пятеро были оснащены оружием широкого спектра действия. Номер первый, Дым, – гаусс, номер второй – огнемёт, номер третий – разрядник, номер четвертый – пси-плеть, номер пятый – пулемет. Закономерный вопрос: что может сделать пулемет с тем, что выныривает оттуда? Как правило, немного, зато здорово отвлекает грохотом и вспышками, так что если гость пытается атаковать, он атакует пятого номера, давая остальным возможность уничтожить или выгнать гостя, используя прицельный огонь, или успеть скорректировать диапазоны работы оружия до самого эффективного к конкретной особи. Пятый номер у нас особый, по прозвищу Силыч, абсолютный номер сто сорок, ума и чутья немного, но нервы стальные. Не знаю, чем он занимался до Зоны, но когда одна тварь его повалила, перехватив пулемет, и чуть не откусила лицо слюнявым клювом, он только сунул ей титановый кулак экзоскелета в пасть и сказал: «Ребята, поживее». Сказал это, конечно, не вслух, но, по-видимому, волновался он в этой ситуации намного меньше всех нас. Одно слово – танк. А про его физическую силу и говорить нечего, то ли он пауэрлифтер международного класса, то ли в Зоне его так разбабахало, но экзоскелет на него был сделан особый, под его стопятидесятикилограммовую комплекцию. А когда он его надел, то начал в нем ходить, не включив питание, у нас просто рты пооткрывались, причем, видимо, у всех, даже у тех, кто был на постах или за периметром. Именно такой и нужен в пятерке, и несмотря на невысокие прочие показатели, Силыча всегда включали в отряд на срезе.

Время шло, и постепенно сходило к вечеру. Две химеры (описание, строение и назначение химер см. в книге «История кукловода». – Прим. автора), ушедшие в срез, до сих пор не вернулись, это всегда повышало риск появления незваных гостей. Обычно для исследования той стороны химерам достаточно было двух-трех часов, а задержка уже более чем на десять часов не предвещала ничего хорошего. Пятеро бойцов Монолита в сгущающихся сумерках, застыв бронированными изваяниями, контролировали матово поблескивающую поверхность среза, откуда вот-вот должны были вернуться химеры. Наконец что-то засверкало в глубине

«стекла», как бывает всегда, когда проход активизируется с той стороны. Отряд синхронно взял «стекло» на прицел. Сначала едва заметные всполохи стали интенсивнее и ближе к поверхности. Определенно, движение.

Дым уже который раз ловил себя на мысли, что больше всего ему не нравятся не далекие, изматывающие вылазки в Зону, не стояние на посту в самую неприветливую погоду, а именно это. Именно эти щекочущие душу и нервы расплывчатые вспышки и переливы в глубине среза. Они растягивали секунду в минуты, когда адреналин призывает тело к действию, но его задача в случае появления чего-либо кроме химер – не вступить первым в бой. Задача первого номера на срезе – идентифицировать степень угрозы, самый эффективный вариант уничтожения и координация действий всего отряда. Размазанные пространством вспышки приближались, они становились крупнее, но реже, то, что двигалось, вот-вот должно было появиться на этой стороне. Вспышка, не соответствующая выходу химер ни по форме, ни по высоте. «Проклятье!» – не сдержал мысленный импульс Дым. Из темного пространства «стекла» вылетела прозрачная зеленая субстанция, близкая к фигуре человека, только вместо ног у нее был извивающийся, такой же прозрачный, то ли хвост, то ли плавник. Увидев отряд оцепления, нечто бесшумно, но постепенно ускоряясь, двинулось вдоль среза в сторону уже ставшего почти совсем темным леса. Повинуясь приказам Дыма, субстанции в спину ударила синей, изгибающейся и неразрывной молнией сначала электрическая дуга разрядника, заставив ее замедлиться и подернуться рябью, а затем протуберанец пси-плети на максимальной мощности заставил зеленое нечто вовсе остановиться и вжаться в «стекло» среза. И тут бойцы увидели глаза существа – маленькие, разумные, словно человеческие, безжалостно смотрящие с ненавистью и просящие одновременно. Существо разевало теперь уже видимый рот, пытаясь то ли издать звук, то ли что-то еще, в любом случае пси-шлемы монолитовцев полностью блокировали посторонние источники и никакого контакта не состоялось. В выпученные глаза существа ударила широкой огненной воронкой струя огнемета, в попытке перекрыть ей видимость задержавших ее людей. Дым видел, что огонь практически не задерживался на создании, проходя внутрь «стекла», высвечивая контур призрака.

Действительно очень похожее вначале на человека, теперь существо уменьшилось и больше напоминало маленькую обезьяну – макаку или маргышку. Существо яростно извивалось, пытаясь освободиться от оков пси-плети, однако неотрывно и с дикой ненавистью, несмотря на бьющее в нее пламя, смотрело в глаза Дыму. Монолитовец молча держал взгляд, он чувствовал, как потеплел пси-модуль в шлеме, борясь с нагрузкой. Он понимал, что сейчас идет борьба на недоступных для человека уровнях, существо наверняка убивает его, и только техническое преимущество не дает ему этого сделать. Защитный шлем отработывал свое, и сейчас надо дать понять этому гостю, что здесь все сильнее него и что ему и таким, как он, здесь нечего делать. Превозмогая нервный накал и пронзающий взгляд существа, неподвижными пятаками глаз пробивающийся даже сквозь ярко-оранжевое пламя, Дым усилием воли заставил себя медленно снять с пояса фляжку с водой, поднять поляризованное забрало шлема, не отрывая взгляда сделать глоток и усмехнуться прямо в глаза призраку. Существо сломалось. Оно вздрогнуло, вдруг прекратив попытки высвободиться, и провалилось сквозь «стекло», уходя обратно в свой мир. Победа! Дело было сделано, а весь бой с противником такого серьезного уровня занял всего меньше минуты.

Наступила тишина, резко контрастирующая с умолкнувшими воем огнемета и треском разрядника, тихо посвистывали на ветру и терлись друг о друга ветви сосен, расступившиеся облака обнажили в просветах яркие звезды, свет которых теперь был ярк и удивителен. Воздух пах сгоревшей смесью, озоном, хвоей и болотом, которое было неподалеку. Отряд замер, ожидая приказов от командира. Дым немедленно приказал рассредоточиться и занять начальные позиции, но бойцы по-прежнему безмолвно смотрели на него. Только сейчас Дым почувствовал, что модуль пси-шлема больно обжигает его. Он быстро снял шлем, нажав на

кнопку индикатора готовности системы. Система не отозвалась. «Оно умудрилось спалить пси-защиту», – растерянно понял монолитовец. Ему здорово повезло, что модуль просуществовал на мгновение дольше, чем атаковало его существо. Судя по его растерянному лицу, остальные бойцы поняли, что произошло, и ошарашенно уставились на него.

– Ну ты даешь, командир! – сказал Силыч, огромной лапой поворачивая шлем Дыма к себе и заглядывая внутрь, вероятно, ожидая увидеть свечение раскаленного модуля. – На, мой возьми, тебе нужнее, – сказал он и, отставив пулемет, начал расстегивать свою бронированную скорлупу со множеством креплений.

– Отставить, – остановил его второй номер, вооруженный огнеметом. – Возьми, мой, Силыча великоват будет. Десять минут, новый шлем уже в пути, – добавил он.

Дым молча принял пси-шлем второго номера, кивнув ему в знак благодарности и взамен передав свой. – На исходные, – скомандовал он голосом. – Второй за пятым, дистанция два.

– Есть дистанция два, – ответил второй номер, поднимая огнемет и укрываясь за широкой спиной Силыча на расстоянии двух метров.

Бойцы снова заняли позицию полукругом. Спустя пару минут слабые всполохи появились вновь. Дым слегка качнулся на ногах, проверяя устойчивость положения. На этот раз, если вылетит нечто подобное первой твари, потерь не избежать. Отряд собрался, готовясь немедленно дать отпор любому пришельцу с той стороны. Всполохи становились ярче и реже, так происходит, когда что-либо двигается в эту сторону, и вот наконец финальная вспышка. Из «стекла» вывалились дымящиеся химеры, сначала одна, а через секунду вместе со вспышкой ввалилась вторая. Могучие и непобедимые четырехсоткилограммовые химеры – альтернативные биологические носители разума Хозяев были практически уничтожены. О грации и стремительности движений теперь не было и речи. Четыре могучие кошачьи лапы едва держали тело, огромные грубые рубцы покрывали их спину, словно что-то удерживало и рвало их. Несколько десятков глубоких кровотокающих ран, на регенерацию которых у них уже просто не было ресурсов. У второй химеры несколько ребер было сломано, и острые обломки костей, несмотря на темноту, четко виднелись под толстой шкурой, сама шкура дымилась нездоровым черным дымом, словно кошек залили кислотой. Дела были хуже некуда. Эту картину уже видели в командном центре, там уже дернули рубильник, зашивая пространство и отсекая возможных преследователей. Направленные антенны заработали, в незримом спектре стягивая срез. Едва простонав, потерял сознание и упал второй номер, Силыч по приказу Дыма тут же подхватил его на плечо и понес на базу. Третий и четвертый номер уже толкали заранее приготовленные из кустов две тележки с мясом для химер, им нужно было срочно восстановиться, неизвестно чем нащипгивали мутантов, но, судя по всему, регенерация прекратилась. Заурчав, химеры принялись за еду, Хозяева покинули оболочки, вернувшись в свои человеческие тела, оставив мутантов в их животном состоянии.

Дым уже видел, как химер, таких неуязвимых и грозных альфа-хищников здесь, в Зоне, разделявали под орех там, с той стороны, но сами химеры, самки, – не самые сильные бойцы. Их гибкость, ловкость и стремительность использовалась Хозяевами для разведки местности и сбора информации без боя, как корабль, более приспособленный для их исследовательских миссий. Иногда случалось, что химеры не возвращались, тогда командный центр направлял туда отряд для вывоза тел, в таких случаях туда уже отправлялись огромные самцы, вот они-то и были настоящими машинами убийств и устрашения. Само сознание одного из Хозяев в случае невозвращения носителя оставалось в мозгу химеры, и его можно было полностью восстановить даже с мертвого носителя, поэтому Монолит никогда не оставлял химер на той стороне, с боем вырывая их трупы из других миров.

Время шло, мутанты насыщались. Рубцы и раны затягивались и исчезали, сломанные ребра волшебным образом приняли нормальное положение под давлением пятисантиметровой особой кожи химеры. Мутанты еще ни в какое сравнение не шли с полностью здоровыми

особями, но процесс регенерации с бешеной скоростью плодил новые клетки, восстанавливал дублирующие и основные органы, выталкивал инородные тела из ран. Наконец химеры, очистив каждая свою тележку, сделали несколько шагов и, свернувшись подобно домашнему коту, спрятав большую из двух голов между лап, повалились спать.

– Завтра будут как новенькие, – прокомментировал четвертый, наблюдая за ними с поднятым забралом шлема.

Дым молча согласился.

– Подобрать образцы, проверить оружие. Идем домой, ребятки. Отработали, – распорядился он, только теперь чувствуя, как усталость от кратковременного, но яростного боя на пределе возможностей нервной системы, задействованной модулем, валит его с ног.

Третий и четвертый номер подобрали выпавшие из ран химер обломки то ли когтей, то ли еще чего-то, явно неметаллические, сложили в специальный контейнер и, следуя друг за другом по едва заметной тропе, скрылись в темноте. Ночная Зона безмолвно следила за уходящим отрядом и за оставшимися на краю поляны химерами.

Откуда-то из темноты вынырнула мелкая плоть и, сама пугаясь собственной наглости, то и дело вздрагивая и пугливо моргая разноразмерными глазами при каждом вздохе спящих химер, крадучись и приседая на тонких ножках, двигалась к источающей запах сырого мяса тележке. Роста этой мелкой плоти не хватало, чтобы заглянуть в тележку сверху, и она, слегка постукивая хитиновыми клешнями о металл, принялась обшаривать их в поисках завалящего кусочка мяса. Наконец, ей что-то удалось зацепить, и мутант, перехватив кусок мяса, принялся его жадно есть, оставив одну клешню на борту телеги. Как только кусок провалился внутрь, свинка, окрыленная успехом, решила целиком влезть в тележку, уже, видимо, забыв о смертоносных созданиях, спящих в десятке метров от нее. Но ее неуклюжие действия и громкий грохот клешней и копыт по металлическому дну разбудил-таки одну из химер. Негромко рыкнув, та подняла голову, рассматривая источник шума. Плоть, только сейчас поняв, что натворила, заверещала и в диком ужасе щиманулась прочь. Поскальзываясь на металлической поверхности, плоть еще с большим грохотом, выпрыгивая, сбила вторую тележку. Заорав еще громче, совсем обезумев, судорожно буксуя от переполняющего ее ужаса, выбрасывая комья земли из-под раздвоенных копыт, она серо-коричневым вопящим метеором понеслась через ночной лес. Разбуженные химеры, широко открыв пасть, следили за этим истеричным недоразумением, вероятно, они смеялись ей вслед, почему нет? Если самые примитивные могут испытывать страх, то почему высшие хищники не могут иметь чувство юмора? В любом случае, синхронно зевнув, химеры, лишь слегка поменяв позы, положили тяжелые головы на лапы и, облегченно вздохнув, снова погрузились в сон.

Глава 3. День 6. Старик

Раннее утро. Уже известный пост «Тропа». Трехсотметровая контрольная полоса покрыта низким молочным туманом не более метра высотой. Редкие черные верхушки низкорослых кустов протыкали молочную пелену контрольной полосы, создавая из клубящегося тумана иллюзию потока. Мертвый Лес словно омолодился этой пеленой, которая скрыла его спутанные космами жгучего пуха кустарники и выступающие из земли корни, подчеркнув стройность выживших несмотря ни на что деревьев.

Туман в Зоне встречался чаще, чем на Большой Земле, и был одним из ее жутких проявлений. Одних его видов было около десятка. Он мог быть низким и плотным, как сейчас, полностью скрывая ноги идущего человека, при этом его несмешивающиеся друг с другом клубы полностью скрывали мелкие аномалии, трещины и неглубокие овраги. Такой вид тумана называли Мышиным. В таком тумане мелкие хищники – тушканы становились невероятно опасными противниками. Практически теряя свою осторожность, они совместной небольшой стаей в два-три десятка особей практически наверняка убивали любого замешкавшегося сталкера. Крысы же, сливаясь в огромную стаю, мигрировали сплошным потоком в новые места, пожирая по дороге трупы, уничтожая оказавшиеся у них на пути сталкерские стоянки и не успевших убраться других мутантов. В такие туманы сталкеры нередко забираются на возвышенности, на верхние этажи или прогнившие крыши грузовиков, просиживая там необходимые часы до его исчезновения.

Другой вид тумана – Серый туман. Несущий злость и раздражение, он застигал сталкеров в лесах и на пересеченной местности. Такой туман отличался особым холодом, лез за шиворот, налипал мерзкой, холодной жидкостью на одежду, лице, руках, вызывая нервозность и раздражение. Такой туман легко подхватывал ядовитые пары химических аномалий и с охотой растворял их в себе, чтобы затем плеснуть в лицо сталкера слабым раствором кислоты и яда, замедленное действие которого оставляло уродливые шрамы и ожоги. Серый туман словно собирал и озвучивал злость сталкера, если тот был зол, усиливал усталость сталкера, если тот был уставшим, провоцировал его своей противной раздражающей щекоткой и холодной сыростью сорваться, психануть, заорать, выстрелить со злости и наделать других несвойственных осторожному человеку глупостей. Спутниками такого тумана были кровососы и изломы. Кровососы всегда любили сырость и близость химических аномалий, а появление Серого тумана практически всегда обещало и обнаружение рано или поздно потерявшего осторожность, дезориентированного и выдающего свое присутствие сталкера. Непрогнозируемый Серый туман, при помощи использующих его обитателей Зоны, нередко хоронил целые отряды сталкеров.

Следующий вид тумана – Солнечный туман. Явление достаточно редкое, обычно присутствующее на границах изломанного пространства. Туман отличался сухостью, своим собственным едва заметным свечением, и, как правило, мало чем грозил сталкеру, если только не получалось так, что один из трех сталкеров, вошедших в этот туман, исчезал навсегда, либо через час подавал свой сигнал из совершенно пустого места, либо из мест, абсолютно недоступных человеку. Сталкеры знают об этих историях, когда из ниоткуда начинают поступать сигналы о помощи от живых людей.

Другой вид – Верхний туман. Туман, занимающий, в отличие от Мышиного тумана, верхнее положение на высоте двух-трех метров. В целом такой туман ничем не грозил сталкеру, только лишь сбивал неопытного бродягу с ориентиров да устраивал страдающим клаустрофобией приступы паники, когда человеку казалось, что небо действительно падает и начинает давить. Непонятно, зачем Зоне нужен был такой туман, но в любой момент он мог переродиться во все остальные виды, кроме Солнечного. Поэтому благоразумные сталкеры старались не попадать под его своды.

И самый опасный вид тумана – Глухой или Мертвый туман. Это событие было равносильно смертельному приговору практически любому сталкеру, не успевшему укрыться в схроне, либо не покинувшему его пределы до того, как он съедет с катушек. Такой туман покрывал огромные территории и держался от двух до трех дней, полностью перекрывая связь, наглухо залеплял глаза и глушил звуки, дезориентируя сталкера, лишая его практически всех чувств. В таком тумане невозможно было развести костер, сложно было разглядеть даже собственную вытянутую руку. Буквально через несколько минут пребывания в таком тумане сталкер терял направление, еще через час, если он все еще не попадал в аномалии, ему сложно становилось понять, где верх, где низ, а через сутки, если его не находили мутанты или аномалии, он сходил с ума. Впрочем, есть несколько сталкеров, переживших его на открытой местности. Один из них, оглушенный «трамплином», счастливо провалился без сознания, а когда пришел в себя, остался на месте и выдержал испытание. Другой сумел-таки развести костер, но с тех пор больше ни на что другое не способен, как дико хохотать и плакать при его виде. Третий как-то выжил и выбрался на базу Долга, но с тех пор не может покинуть ее ни под каким предлогом. Так и живет, бедолага, работая уборщиком и грузчиком за еду.

У Зоны есть еще несколько разновидностей тумана, но случаи их появления очень редки и возможны только в глубокой Зоне, точно о них ничего не известно, только названия; Синий, Красный, Секущий и Шепчущий. Названия этих явлений вбиты в ПДА сталкеров, но кроме того, что кто-то обнаружил его и дал название, проходя вдоль его границы, о них больше ничего не было известно. Даже ученые, видя недалеко в окрестностях Янтара какой-либо из этих видов природного явления Зоны, находили кучу причин, чтобы не выходить из убежища и не приближаться к нему. Даже у самого безбашенного сталкера едва ли хватало сил донести кое-какую аппаратуру к его границам, простоять пару минут, делая поверхностные замеры, а затем, сдерживаясь, чтобы не побежать, отступить на безопасное расстояние.

Впрочем, яйцеголовым удалось кое-что выяснить. Большинство местных туманов являлось своеобразным источником и конденсатором электромагнитных волн, которые и определяли форму и вид явления. А вот какие именно механизмы удерживали и заставляли вновь генерироваться электромагнитные силы в туманах, выяснено не было. Но для вольного сталкера это была пустая информация: висящее особняком облако было верным признаком опасности, и никакие коврижки не могли подвинуть сталкера на «посмотреть поближе». И вот сегодня Дым наблюдал классическую картину Мышиного тумана во всей красе. Тушканов и крыс здесь, пожалуй, не встретишь, а вот мелкие коварные аномалии, населяющие контрольную полосу, не говоря уже о горохе, совершенно скрыты из виду. По такому туману даже монолитовцы, наизусть знающие каждую ловушку, без крайней необходимости не станут пересекать залитую молочно-белым полосу.

Сегодня Дым, впрочем как и в большинстве случаев, был первым номером, второй номер сидел в одном из двух гнезд позади, полностью закрытый от возможного огня и прямой видимости со стороны Мертвого Леса. Тягучая, молчаливая тишина глубокой Зоны лениво помещивала и толкла волны тумана, не давая им подняться и все больше прижимая его к земле, заставляя выпасть росой. Блестящие бусинки росы, оставляемые спадающим туманом, оседали сначала на торчащих веточках низкорослого кустарника, на почти черной коре деревьев, на жгучем пухе, вызывая в нем едва заметные, словно тлеющая бумага, расходящиеся искорки. Но туман еще не рассеялся, удерживаясь тонким одеялом на траве и едва прикрывая торчащие из-под земли, словно колени старухи, корни деревьев.

Разгоняя эту тонкую пелену шагом истертых берцев, на границе Мертвого Леса и контрольной полосы появился сталкер. Дым сразу заметил его из своего укрытия за «трамплином». Не шелохнувшись, стоя изваянием, он продолжал спокойно разглядывать человека. На этот раз ходок был совсем другой. Пожилой человек – а по меркам Зоны, старик – скинул с головы серый изъеденный кислотами капюшон, обнажив седую голову. Он не прятался, идя к

Исполнителю, напротив, он хотел, чтобы тот увидел его, уже здесь, практически в конце пути, и, не перепутав ни с кем, позволил дойти до него, его конечной цели. Дым тихо выдохнул, он видел таких и знал, кто это и что это. В выдавшем виды калаше старика наверняка осталось всего пара патронов, тощий рюкзак, полупустая фляжка, плохонький для этих мест пистолет ПМ, который вряд ли можно считать оружием. На поясе болталась всего пара артефактов, один из них «ломоть мяса», второй – наверняка «золотая рыбка», чтобы облегчить тяжелое для старика снаряжение. Грязное и иссушенное лицо старика говорило о крайней степени утомления, словно кто-то или что-то гнало его, не давая времени ни на сон, ни на отдых. «Дойдет», – подумал монолитовец, втайне желая ему удачи.

В их правилах было невмешательство в путь отдельных сталкеров, их называли просителями. Таких сталкеров было видно сразу, они шли сквозь Зону напрямую к Исполнителю, не за себя, а за других. Они и не планировали возвращаться назад, на Большую Землю, но они выкладывались полностью, отдавая всю свою силу и веру, не рассчитывая на обратный путь. За кого мог идти этот старик? Скорее всего, за детей. Его вера в Исполнителя в его, пусть последнем, пути была настолько абсолютной, что становилась знанием, и это было главным ключом, чтобы открыть единственную дорогу к сердцу Зоны – Монолиту.

Откуда пришло это знание, невозможно было определить, но так бывает. Душа человека в потоках смятений и исканий исподволь, скрытно, не признаваясь разуму человека, ищет и нередко находит то самое, единственное, что обозначает всю ее жизнь. Старик сердцем знал и уже заранее был благодарен Монолиту за пока еще не состоявшееся выздоровление своего единственного новорожденного внука, которому не помогали многочисленные операции. И вот он, движимый непонятным чувством уверенности в правильности решения, не делиась ни с кем своей верой, скрытно собрал пожитки, какие были деньги для подкупа постов и начальную экипировку и пропал без вести. Он не позволил себе ни попрощаться с бабкой, с которой уже не за горами была золотая свадьба, ни взглянуть по-другому в глаза сыну, только чуть дольше задержался за стеклом аппарата поддержания жизни, за которым с таким трудом билось сердце его внука. И чем дольше он смотрел на лежащее за стеклом тельце, опутанное шнурами проводов и систем, тем крепче в нем селилась уверенность, что он может, а потому и должен сделать. Единственное, о чем жалел старик, так это о том, что его губы, столько лет не целовавшие детей, больше не смогут сделать этого вновь.

В душе старика была абсолютная вера, что его внук уже здоров, стоит только дойти до Исполнителя, чтобы узнать это. И он шел. Мутанты обходили его стороной, не в силах встретиться с его решимостью, аномалии сердито шипели, не желая пересекаться с духом старика, и не подпускали его к себе при приближении. Бандиты, перешептываясь между собой, почему-то решали не трогать слегка сторбленную, хромающую фигуру в плохоньком комбинезоне, даже Выброс сдерживал свою мощь, дожидаясь, пока старик сойдет и на время уступит ему дорогу, а Зона поддерживала одиноко бредущего сталкера в трудную минуту, когда от усталости подкашивались ноги и руки с трудом помогали телу встать, давала укрытие, подбрасывала ему на пути аптечки, воду, всегда, пока в нем горел огонь веры в исцеление ребенка. И вот он дошел. Старик не смог сдержать скупую слезу, лишь слегка сверкнувшую и тут же исчезнувшую в уголках глаз. Остался самый простой и сложный путь, никто теперь не может вмешаться между ним и Зоной, но если сейчас в его душе мелькнет хоть червячок сомнения, хоть одна мысль, несущая злость, обиду или недоверие, она не пустит его.

«Делай же шаг, сталкер!» – услышал он тихий голос Монолита. Старик едва заметно вздрогнул от неожиданности и расхохотался. Да, он слышал то, что должен был услышать. Исполнитель увидел его. Вмиг с него слетела усталость, он распрямылся, стал выше, моложе. «Не такой уж и старик», – наблюдая за ним, думал Дым. Он не мог знать, что именно происходит в голове у старика, но, судя по виду, ему осталось всего одно испытание, эти триста метров контрольной полосы, и уж если он прошел всю Зону, то последние триста метров не должны

быть для него большим препятствием. Чуть ярче сверкнула на пути сталкера коварная «паутина», старик замер и, склонив голову, определял ее границы, затем, определив направление, бросил болт и миновал. Еще несколько коварных аномалий, часть из которых не были распространены в Зоне и существовали пока только на контрольной полосе. Одна из них – «липучка», она же модифицированная «жадинка». Если «жадинка» была статичной, то «липучка», имея все ее свойства, могла передвигаться по метру в каждую сторону, выдавая себя лишь едва заметным склонением травинки. Следующая – «огонек», миниатюрная копия гигантских аномалий «пепельниц», блуждающая возле Припяти. Но если «пепельница» пожирала все – и органику, и неорганику, обращая ее в серый пепел, оставляя хорошо видимые следы своего существования, то «огонек» переваривал все то, что появлялось спустя несколько часов после того, как он сам занял это место. Чистый «огонек» не имел визуальных признаков в дневное время, но достаточно верно распознавался детектором. Пара «рогаток», пара мелких «электр». Сталкер обходил и их, постепенно приближаясь ко входу на территорию группировки. Молочный туман уже практически исчез, едва напоминая о себе светлыми пятнами в небольших ямках, откуда его уже начинал выдувать утренний ветерок. Полностью погруженный в процесс сталкер прикидывал и сопоставлял пробиваемую им тропинку с видимым проходом между двумя разрушенными двухэтажками. Под окнами одной из них пульсировал огромный «трамплин», а в проеме, вооруженный СВД, стоял недвижимым изваянием и следил за ним монолитовец в серо-синем комбинезоне.

Неожиданно что-то изменилось, словно поменялся и слегка запах чем-то неуловимым воздух. Дым, неотрывно следивший за стариком, перевел взгляд с него на Мертвый Лес. «Ходок!» – понял он. Хоть он и не видел сталкера с невероятным умением маскировки, который несколько дней назад был здесь, он точно знал, что это тот самый Ходок. Изменение пси-фона при появлении ходоков было уникальным, как и сами ходоки. И теперь этот ходок, которого видели и остановили в прошлый раз, наблюдал за стариком, испытывая чувства возмущения, досады и непонимания. Дым словно читал его мысли, что старику, которому просто везло по глупости, везет и теперь. Старик, совершенно неподготовленный, уже прошел большую половину контрольной полосы, а его, ходока, вычислили еще в начале! Наверняка наблюдающий за ним сталкер сейчас считывал каждый шаг старика, запоминая дорогу. А идущий старик, сам того не желая, послужил «отмычкой», давая огромное преимущество попытающемуся пройти вскоре за ним Ходоку.

«А вот это уже нехорошо», – думал Дым, давая сигнал и второму номеру. На изменение пси-фона от ходока реагировало все: мутанты, аномалии, люди – и кажущиеся покорными аномалии, сами того не желая, могут убить старика. Между тем волна скрытого гнева и возмущения, исходящая от Ходока, делала свое дело. Аномалии, оставшиеся за стариком, злобно вспыхивали разрядами, потрескивали силовыми полями, торопливо подбирая и отпуская травинки в поисках источника возмущения. Старик тем временем проделал большую часть пути до окончания тропы, где он очутился бы на чистой от аномалии территории Монолита, и теперь до нее оставалось менее пятидесяти метров. Сталкер на контрольной полосе, казалось, не замечал изменения окружающей среды, возможно, он слишком был занят продвижением вперед, чтобы лишней раз оглянуться или почувствовать сверлящий его спину взгляд.

Сталкеры, долго находящиеся в Зоне, практически всегда начинают очень хорошо чувствовать изменения пси-фона. Одни это называют чуйкой, другие – интуицией, но в целом и те и другие своим выживанием и благополучием обязаны именно этому обострившемуся чувству Зоны. Это чувство позволяет замереть в шаге от невидимой аномалии, избежать гиблого места, вовремя скрыться от начавшего охоту на человека мутанта. Чего уж говорить о самих мутантах и их чувстве Зоны. Но старик не имел такого чувства, он прошел еще десяток метров, все более приближаясь к последнему для себя препятствию – аномальному растению «горох», но тут на другом конце тропы, у Мертвого Леса, где в принципе должен был находиться Ходок, обозна-

чило движение. Молодой кровосос, воспринявший волны гнева и возмущения от Ходока, буквально материализовался из стелс-режима, в гнев шипя и шевеля щупальцами. Кровососы крайне редко отличаются умом, особенно если перед вами молодая особь, будьте уверены, она кинется на что угодно, не разбираясь, подобно жадному молодому окуню, кидающемуся на любую сверкающую блесну. Через секунду кровосос увидел одиноко бредущего старика, уже заканчивавшего свой путь. Грозно рыкнув и снова войдя в стелс-режим, он устремился за ним. Дым четко видел, как мутант, оставляя цепочку следов взрыхленной землей, устремился к старику. Чтобы преодолеть двести пятьдесят метров до сталкера, кровососу нужно около пятнадцати секунд, с учетом аномалии – еще пять-десять. Старик же по-прежнему еле полз оставшиеся десятки метров, тщательно вглядываясь в каждую травинку, в каждое движение и всполох на земле.

Монолитовец скомандовал второму номеру: «Готовность», заранее сокрушаясь о том, что сидящий в Мертвом Лесу сталкер вычислит местоположение обоих монолитовцев. Дым прикинул оптику СВД, отслеживая цепочку следов атакующего кровососа. Старик уже счастливо миновал несколько рядов гороха, и теперь Дым хоть и мог стрелять вдоль двухэтажного строения, не задевая зону действия «трамплина», но, понимая сложность выстрела, полностью превратился в наводчика для второго номера, который мог бить в лоб кровососу. Тихо отсчитывая оставшиеся метры от мутанта до сталкера, Дым передавал картинку, предоставляя напарнику самому выбирать момент выстрела. Едва заметная цепочка следов, огибая небольшие аномалии, бесшумно несла быструю смерть старику. Негромко, даже в такой утренней тишине, визгнул выстрел из Гаусса, пространство за стариком, чавкнув плотью, внезапно превратилось в серо-бурую, с глухим грохотом кубарем летящую по земле массу. Старик вздрогнул и обернулся, только сейчас увидев, что происходит. Кровосос, из которого бешеной скоростью пули, вошедшей в грудину, было выбито наружу и вылетело сразу несколько позвонков, кувыркком катился к ногам сталкера. Дед в растерянности сделал шаг в сторону, сдвигаясь с пути тела, но труп мутанта не докатился до него, бездыханно замерев в метре.

– Готов, – прокомментировал напарнику Дым.

– Разбегались тут, – с явными оттенками удовлетворения пришло от напарника.

И путь для старика теперь был свободен. До входа на безопасную территорию монолитовцев оставался десяток метров, но старик не двигался. Замерев и глядя себе под ноги, он озадаченно потирал подбородок. На правой его ноге, на ботинке, коварной зеленой нитью поблескивало несколько усиков гороха. Слегка потянув ногу, буквально качнувшись на ней, он спровоцировал растение перехватиться уже десятком усиков по щиколотку. Дело было плохо. Дым уже сделал то, что должен был сделать, в конце концов, появление кровососа – дело рук Ходока, замершего на той стороне контрольной полосы, а не старика. А вот дальше помогать сталкеру нет смысла, это его, сталкера, путь и влиять на то, как ему дойти, не в правилах Монолита. Старик растерянно оглянулся, осмотрев мертвого кровососа и, обнаружив безмолвно наблюдающего за ним буквально в нескольких метрах монолитовца, наконец определился с планом действий. Он достал плохонький нож и, что-то приговаривая, начал колдовать на схваченной растением ногой. Прислушавшись, Дым разобрал только некоторые слова, которые доносились до него с урывками:

– Ну раз сюды нельзя с чужим, оставим... хорошо, что... и тросточка пригодится... – негромко бормотал старик.

Через несколько минут старик, проведя ряд манипуляций над схваченной ногой, опираясь на винтовку и откуда ни возьмись появившуюся трость, поволокся дальше, но уже на одной ноге. Оторопев от неожиданности, Дым с ужасом увидел ногу, оставленную в горохе, но через секунду со смехом обратился к напарнику:

– Протез. Он на протезе шел, – широко улыбаясь, вслух сказал он. – Надо же, испугал как... Старик, старик.

Вечером того же дня в одном из городов, в реанимационном отделении детской больницы, произошло чудо. Шестимесячный ребенок с врожденным пороком сердца, за жизнь которого боролись врачи и у которого уже не хватало сил на самостоятельное дыхание, неожиданно громко и требовательно заорал. Перепуганный персонал обнаружил увеличение веса ребенка, стабилизацию всех жизненных показателей и не нашел ничего лучше, чем через полчаса отсоединить его от всех систем и передать его не находящей себе места матери. Розовый младенец жадно припал к груди и, громко всхлипывая от перевозбуждения и давясь молоком, впервые в жизни наелся досыта. Отрыгнув молочком, он, не отпуская халата матери из ставших вдруг крепкими рученок, уснул глубоким, здоровым сном, оставляя врачей в недоумении, а мать – самой счастливой женщиной мира. Этот случай описан в одной из желтых газет и прошел незамеченным для общественности. Как водится, все, что не срастается с общепринятыми нормами, исчезает из памяти большинства, так и врачи, написав что-то в своих отчетах об успешных курсах лечения, о некоторых новых технологиях обследований, и в том числе о высокой эффективности старых препаратов, выписали младенца, записав победу себе. А в группировке Монолит появился новый боец, за номером сто семьдесят, по прозвищу Старик.

Глава 4. День 10. Спасательная операция

Веселый сизоватый дымок подвижной полупрозрачной стайкой вился в воздухе, обозначая существование маленького костерка, сложенного из мелких, длиною с ладонь, палочек. Сталкер – Ходок, задумчиво подбрасывал веточку за веточкой в пламя. Сыроватая, трухлявая, частично изъеденная жгучим пухом древесина легко отдавала свою влагу и менее чем через минуту сама превращалась в плоть костра. Лица сталкера не было видно, настолько низко ссутулившись сидел он, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Случай со стариком уже несколько дней не давал ему покоя. Почему монолитовцы, эти безмозглые собаки, пропустили его? Мало того, они еще и помогли, подстрелив уже почти настигнутого старика кровососа. Зачем это было им нужно? Это было непонятно для Ходока и требовало как минимум осмысления и понимания с целью практического использования, но не выходило. Сунуться еще раз к ним, но уже в открытую, как старик? Не годится. Ходок до сих пор помнит, с какой силой выбило из его рук винтовку выстрелом снайпера с той стороны. Винтарь вдребезги, хорошо что хоть тайник недалеко не был разоренным. Не зря он потратил кучу денег на покупку информации о всех тайниках и схронах вблизи территории Монолита. Теперь на земле возле сталкера красовалась точно такая же гаусс-винтовка, как и у бойцов противника. Удачный тайник, не соврал Васька Козырь – торговец информацией, что вечно стоит в баре «Сто рентген». Кстати, Ходок так и не смог вспомнить его лица, оно всегда скрывалось в глубине капюшона каштанового бандитского плаща.

На секунду отвлекшись от размышлений, сталкер кинул взгляд на детектор жизненных форм, который он держал отдельно от выключенного ПДА. Детектор расплывчатыми темными пятнами на круглом зеленоватом экране показывал общий контур окружающей местности и никаких признаков жизни. Да и откуда ей здесь взяться, в Мертвом Лесу. Мертвый Лес выпивал жизнь из всех – и из мутантов, и из людей. Сталкер автоматически пощупал рукой установленные в поясе артефакты, которые компенсировали эти расходы, без них сталкер не стал бы задерживаться в этом месте. Рука в перчатке потянулась к очередной веточке, на конце которой висела пакля отжившего свое жгучего пуха. Хмыкнув, сталкер сунул ее в костерок, вглядываясь в процесс борьбы пламени с борющимся за свое существование едва живым аномальным растением. Жгучий пух из темно-коричневого превратился светло-серый, потом порыжел и скрючился, и лишь затем, спустя десяток секунд, отдался огню, испустив легкий дымок с запахом химии и паленого волоса. Проводив веточку в последний путь, сталкер вновь вернулся к своим мыслям. Снова ничего не вырисовывалось и не приходило в голову. Медленно уходящая между проемами здания спина старика не давала ему покоя. Он, сталкер, потратил больше года на сбор карт, необходимых артефактов, изучение всех выдуманных и невыдуманных историй о тех, кто дошел до Исполнителя, пережил кучу нападений на себя со стороны людей и мутантов, выжил, в конце концов, пусть не всегда честно, но он дошел до одного из последних рубежей. Теперь, как он планировал согласно собранной информации, ему предстояло пересечь небольшое открытое пространство, миновать десяток монолитовцев, по минимуму вступая в бои, и, следуя одной из карт ЧАЭС, отыскать вентиляционную шахту или канализационный люк, ведущий в основные подземные коммуникации, смотря что будет ближе, ну и добраться живым до четвертого энергоблока. Казалось бы, делов на один день. Но, привыкнув действовать наверняка и начав ценить свою собственную жизнь, сталкер не собирался рисковать сейчас, когда вырисовываются новые неизвестные.

Чуть громче обычного пшикнула веточка в костре. Сталкер вновь отвлекся от своих мыслей. Мутантов он не боялся, с каждым из них он уверенно мог разделаться в одиночку, либо скрыться из виду, и странное дело, как только он приспособился убивать мутантов и перестал их бояться, те перестали нападать на него, игнорируя либо избегая его при появлении,

но сейчас ощущение уюта покинуло его. Медленно встав на ноги, он затушил костер, накрыв его специальной пленкой. Обувью он не тушил, чтоб не оставлять дымный след отпечатком ботинка. Еще через несколько секунд он определился с направлением и пошел на юго-запад искать новое место ночевки, так ему подсказывало чутье, а верность или неверность своей интуиции он не привык ставить под сомнение.

Спустя два часа, когда сумерки окутали Мертвый Лес, деля пространство с мутировавшими деревьями и жгучим пухом, на место его уже остывшей стоянки спустилось откуда-то сверху некое студенистое образование. Беззвучно обследовав остатки костра и место, где сидел человек, оно, жалобно всхлипнув, медленно потянулось обратно в высоту черных крон теряющих листву тополей.

Тишину ночи разрубал звучный шум шагов. Ударный отряд из двенадцати монолитовцев, в экзоскелетах, при полном тяжелом вооружении, среди которых был Дым, сопровождаемые четырьмя самцами-химерами и контролером, двигались в сторону среза. На этот раз дело было экстренное и сложное. Химеры напоролась на что-то серьезное с той стороны, и одна из них погибла, заключив сознание одного из Хозяев в своей оболочке. На выбравшуюся-таки своим ходом вторую химеру было страшно смотреть. Даже по меркам невероятной живучести, скорости регенерации химер она вернулась скорее трупом, нежели способным к жизни существом. Вернувшуюся химеру немедленно транспортировали в лабораторию, где ею занялись Хозяева.

Теперь же тяжело шагающий отряд представлял небывалую мощь в рамках Зоны, но вряд ли являлся действительно таким для альтернативных миров. Самцы – химеры, стремительные, мощные, неуправляемые боевые машины из плоти и крови, весом в шесть центнеров, не встречались в открытой Зоне. Это было равносильно разезжанию на танке по детской песочнице. Искусственно выведенные мутанты специально создавались для ведения операций по ту сторону пространственного среза, когда не требуется ни особой ловкости, ни скрытности. Сами тела хранились в специальных помещениях в спящем режиме. Тонус мышц поддерживался непрерывающимися электрическими импульсами, перед боевым выходом химер накачивали химическими питательными веществами пролонгированного действия, по сравнению с которыми самые атомные дозы стероидов казались легкими витаминами. Да и управляли такими телами не Хозяева, а особые бойцы из группировки, чья реакция и скорость мышления позволяли использовать хотя бы половину возможностей этих существ. Они были элитой, особым отделом, козырем в рукаве у Хозяев на все случаи жизни. Не восприимчивые к боли, температурным перепадам, электрическим и психогенным аномалиям, имеющие достаточный энергетический и конструктивный запас прочности, чтобы продолжительно противостоять гравитационным перегрузкам и химическому поражению, вооруженные сверхпрочными когтями и клыками, стремительные самцы-химеры являлись молниеносной смертью либо невозможными для поражения мишенями для большинства существ с той и этой стороны.

Контролер, или доктор Зло, как беззлобно называли его промеж себя монолитовцы. Один бдящий контролер всегда выходил вместе с ударным отрядом, оставаясь в его тени и не выходя на прямой контакт с противником. Он играл роль и доктора, и координатора для людей, подчиняясь телепатическим приказам одной из химер. В случае смерти монолитовца он брал управление телом на себя, используя зомби для сохранения жизни еще живых бойцов. Собственно, количество монолитовцев и определялось пси-способностью контролера. На пределе он мог одновременно вести и управлять двенадцатью зомбированными, поднимая их вновь и вновь, превращая скованных экзоскелетом бойцов в практически неуничтожимые мишени для противника. Да и сами монолитовцы, увешанные защитными артефактами, защищаемые контролером от страха, ощущения усталости и боли, не являлись мальчиками для битья, скорее наоборот, плюшки, выдаваемые их тяжелым оружием, вызывали несварение у врага с жела-

нием скорее покинуть место сражения, а дополнительное давление контролера на неприятеля усиливало эффект. Но если что-то смогло отследить, поймать и уничтожить химеру, оно на раз разделается с любым в одиночку столкнувшимся с ним монолитовцем, поэтому, идя за телом павшей химеры, никто из бойцов не рассчитывал на легкую прогулку.

Вот он, срез. Вот пять бойцов, охраняющих выход на эту сторону, с ними, как обычно, Силыч, огромным силуэтом своего экзоскелета выделяющийся на фоне остальных. На ходу поздоровались, пожелали друг другу удачи. Некоторые из охраняющей вход пятерки слегка завидуют идущим на ту сторону. Но нечему особо завидовать, там нужны только расторопные ребята, чьи навыки ведения боя и способность к адаптации лучше. В этой группе Дым был десятым номером, а это значит, что на выручку химере идут одни из лучших бойцов группировки. Это его первый выход за грань. Ну все, черта. Дым поежился, странное ощущение. Когда охраняешь эту шнягу, чувствуешь себя защищенным, всегда знаешь, что у тебя за спиной, куда и как перемещаться в случае необходимости, из каких мест лучше вести огонь и куда теснить неприятеля, а сейчас... Выход в неизвестность. Практически не бывает выхода отряда без потерь, если уж самки химер не смогли ускользнуть незамеченными, это всегда означает, что противник будет серьезным и, возможно, за трупом мутанта придется переться в самое пекло, снимать носитель с рогов самого дьявола. Первый номер отряда – Соломон, подбодрил Дыма, пользуясь телепатической связью пси-шлема...

– Давай, Дымок, с почином. Там нет никого страшнее меня... – с этими словами Соломон обернулся и, придерживая одной рукой миниган, достал устрашающего вида мачете, два раза стукнул им по нагрудным бронепластинам. – За Монолит! – совсем другим тоном, уже голосом крикнул он на всю группу. В его голосе, попадая в резонанс со звоном клинка мачете, зазвенела несгибаемая воля, прошедшая мясорубки кровавых сражений с той стороны и, несмотря ни на что, раз за разом одерживающая победу. Если бы за плечами монолитовца установить флаг, то группу тяжеловооруженных людей, закованных в броню, можно было бы принять за завоевателей другого мира. Контролер, уловив настрой, зафиксировал фон, и бойцы, вняв посылу, превратились в один организм, готовый уничтожать и рушить, жечь огнем и кромсать до последнего вздоха, а чего уж греха таить, еще долго после того, как остановится сердце.

Соломон – командир, пока в дело не вступит контролер, а значит, самцы химер. Но надо отдать ему должное, он ходил уже несколько раз и всегда выбирался живым.

Матовое темное стекло среза призывно поблескивало внутренними преломлениями. Первыми вошли химеры – четыре грозные туши, опустив голову и прижав уши, ушли на ту сторону, у них есть информация о потенциальном противнике, его количестве и возможном местонахождении трупа самки-химеры. Через минуту отряд монолитовцев, построившись в колонну по два с дистанцией в два метра, шагнул в неизвестность, колонну замыкал контролер.

Легкое головокружение, Дым открыл, как оказалось, закрывшиеся глаза. Бледно-красное, покрытое сплошной облачной пеленой небо. Штиль. Станный, с кисловатым привкусом, но вкусный воздух, видимо, большое содержание кислорода. Прямо впереди холм метров двадцать высотой, намного правее – какой-то странный световой столб, больше похожий на выставленный в небо прожектор, но луч обрывается, не достигнув красноватых облаков. Слева – чистая до горизонта поверхность, без признаков зданий или строений. Другой мир, другая реальность... Дым, сощурился, опустил взгляд вниз, изучая поверхность планеты. Ни травинки, ни камушка... Какая-то мелкая, глубокая и тяжелая пыль. Трудно представить себе, что будет тут, если поднимется ветер. Сзади с тихим, ни на что не похожим звуком выдохнуло пространство. Появился контролер. Удивительно, но срез с этой стороны больше похож на мираж, этакая струя преломляющегося воздуха, оно и к лучшему: не так заметно. Первыми идут химеры. Первая пара химер, грозно рыкнув, устремилась к холму, вторая пара выдержав, дистанцию в двести метров, устремилась за ними, оставляя в плотной пыли четко видимые широкие когтистые следы в две человеческие ладони.

– Двигаем. Цель – холм. Дистанция пятьсот. Ждем возврата химер, прикрываем отход, – скомандовал по пси-связи Соломон.

Монолитовцы, растянувшись полукольцом, двинулись в сторону холма, держа оружие наизготовку.

– Это не простая куча земли, ребята, – продолжил связь Соломон, указывая на высившийся впереди холм, – это организм-колония. Тело внутри. Смотреть под ноги, входим в зону контроля организма.

Через некоторое время на земле в пыли стали проявляться четкие круги полуметром в диаметре, словно кто-то положил обруч в эту пыль, а затем снизу затащил его еще глубже, образовав канавки от провалившегося вниз предмета. Бойцы, привыкшие издалека замечать аномалии, легко обнаруживали и обходили странные круги. Тем временем первая пара химер уже неслась к вершине холма, вторая остановилась у подножия, бесшумными, стремительными, не находящими себе место тенями контролируя подходы.

– Если первая пара без боя не сможет вытащить тело, рвем на хрен всю медузу, – решительно скомандовал Соломон, одновременно сделав знак остановиться.

Вот первые химеры, видимо, отыскав вход, исчезли с поверхности холма, провалившись внутрь. Секунды тянулись в безмолвии, ни ветра, ни звука в этом странном месте. Дым поймал себя на мысли, что чувствует удивительное спокойствие напополам с ожиданием действия и решимость одновременно. «Тут никак без контролера не обошлось, доктор Зло, видимо, уже начал свою работу. Ладно, давай, шаман, давай, стучи, стучи в бубен смерти». Контролер воспринял шутку как надо и поделился своим смешком с Дымом. Чувство времени исчезло, неизвестно сколько стоял отряд без движения на открытой местности, десять минут или больше, пока не пришел сигнал к действию в виде легкого содрогания земли, заставившего шевельнуться и тут же вновь осесть пыль, и низкого, глубокого звука, чувствовавшегося самой кожей. Видимо, этот организм, который снаружи определялся как холм, поднял тревогу.

– Все. Химеры нашли тело, тащат наружу, но большой босс против. Сейчас будет жарко, – сообщил Соломон, одновременно включая аккумуляторы минигана и начиная раскручивать стволы.

Одновременно две дежурившие внизу химеры исчезли из виду, бросившись внутрь холма. Земля под ногами заходила ходуном, в воздух выплеснулись огромные, длиною в десятки метров, хоть и тонковатые для такого организма щупальца, начавшие обыскивать поверхность холма. Бойцы, стоявшие на дистанции, были в безопасности от них, но когда химеры будут выбираться наружу, щупальца организма доставят массу хлопот. А вот местные существа, живущие в этом то ли муравейнике, то ли огромном животном, бросившиеся из вдруг открывшихся проходов, предназначались уже бойцам Монолита.

Высокие, тощие, светло-серые, движущиеся на двух тонких ногах, больше похожие на кузнечиков существа стремительно приближались к малочисленному, но неустрашимому отряду. Самых существ, чей рост теперь определялся более чем в два метра, а узкие высокие головы – с многочелюстным жевательным аппаратом и парой смоляных матовых глаз, становилось все больше и больше. Сначала десятки, потом уже сотни особей неслись на ошестинившихся оружием монолитовцев. Первыми ударили миниганы и пулеметы. Существа оказались совершенно незащищенными от подобного воздействия, и каждое попадание сотрясало особь, заставляя ее спотыкаться либо обездвиживая ее. Только после первых попаданий казавшиеся бездушными тенями кузнечики заклекотали, ускорившись еще больше, и на дистанции в пятьдесят метров до людей, вдруг сильно оттолкнувшись от земли и помогая себе, как оказалось, имеющимися за спиной крыльями, до сих пор плотно прижатыми к телу, поднялись в воздух. Поднятая взмахом действительно полупрозрачных, как у насекомых, крыльев пыль закрыла вид на холм, а между тем оттуда, сквозь грохот огнестрельного оружия монолитовцев, был слышен яростный рев химер, глухие, тяжелые удары и пронзительные крики еще каких-то созда-

ний. Но бойцам уже было не до зловещего, сотрясающего почву холма на фоне красного неба. Кузнечики, набрав незначительную высоту, начали пикировать прямо на головы людей. Краем глаза Дым заметил, как в небо ударило несколько струй огнеметов, выхватывая из роя нападавших одну-две фигуры, с характерным звуком сработал стартер пси-плетки, заставляя сразу нескольких существ упасть замертво. А приземляющихся между бойцами врагов становилось угрожающе много. Последнее, что помнил Дым, это Соломона, бросившего разрядившийся и ставший ненужным миниган и со зловещим блеском в глазах, с разворота, практически надвое разрубавшего своим мачете кинувшегося на него кузнечика. Существо брызнуло бледно-красным соком, который даже кровью назвать было нельзя. «Ну хотя бы рубятся они легко...» – успела промелькнуть у него мысль, после этого что-то тяжелое ударило его по голове, и он потерял сознание.

Дым пришел в себя шагающим, уже на территории Зоны, это он понял именно по характерным только для глубокой Зоны сумеркам. Тело, не чувствуя боли, продолжало шагать в ногу с остальными бойцами. Впереди маячили фигуры четырех боевых химер. Мощные машины, видимо ранее изодранные в клочья, теперь практически отрегенирировали, хотя выступившие из-под толстой шкуры ребра и тазовые кости указывали на значительную степень истощения. Сделав усилие, Дым покрутил головой, все двенадцать бойцов были уже по эту сторону среза. Впереди шел, видимо, своим ходом Соломон. Почувствовав присутствие Дыма, он обернулся.

– Очнулся, боец? Сильно не дергайся, тебя наш доктор ведет, сам не сможешь, – мысленно сказал ему Соломон. – У тебя ноги продырявлены, – Соломон сделал паузу, словно собираясь с мыслями. – Потери – шесть человек: двадцать пятый, двадцать восьмой, тридцать второй, тридцать четвертый, тридцать восьмой, сороковой, – перечисляя бойцов по порядковым номерам в общей системе, информировал командир.

В это время перед внутренним взором Дыма мелькали их лица. Кого-то он знал хорошо, кого-то не очень. Светлая им память.

– Как все прошло? – с трудом стряхивая с себя пелену последних событий, заставляя себя соображать и собирая в памяти все в единую цепь, спросил Дым.

– Нормально. Химеру вытащили, атаку отбили, муравейник вдребезги, – ровно, без эмоций, ответил Соломон. – Да... теперь твой номер тридцать третий.

– И долго я в отключке был? – спросил Дым, именно сейчас у него жутко разболелась голова.

– Да с полчаса ты в бессознанке ножом-то махал. Навыки у тебя хорошие, контролеру особо тебя таскать не пришлось. Потом в себя пришел, но начал тормозить, пришлось опять за тебя контролеру отдуваться.

– Вот грусть-беда, – произнес Дым, чувствуя усталость, тяжесть и боль во всем теле, по мере того как контролер постепенно отпускал его. Скривившись при вдруг стрельнувшей адской болью ноге, он решил не геройствовать. – Давай уже, веди до лазарета, – обратился он к контролеру, чувствуя, как вспыхнувшая было боль потухла, а в груди поселился холодок успокоения и отчуждения.

Глава 5. День 13. Гость

Дыма заштопали и восстановили за пару часов, еще сутки он пробыл на карантине, такое было положение. Хозяева следили, чтобы никакая болезнь или посторонние организмы не проникли в наш мир. Даже трупы, после того как дойдут до места назначения, раздеваются и исследуются. Нередко в них находят не присущие Зоне споры и токсины или внедренных паразитов. В целом поход на ту сторону среза – дело столько же опасное как до возвращения в нашу реальность, так и после. Карантин проходили все, в первую очередь химеры, затем, в своем комфортном помещении, бойцы. В помещениях было все – и кухня, и сауна, и спортзал. Даже контролер заключался в карцер с голыми стенами, где и просиживал отведенное ему время, там ему было уютнее, чем в обычных комнатах с мягкой мебелью. После похода количество бойцов группировки сократилось до ста шестидесяти четырех, но это было ожидаемо. В среднем в течение года количество колебалось от двухсот до ста двадцати. Старожилы говорили, пока еще были в строю, что когда к Монолиту дорвался Меченый, количество бойцов сократилось до тридцати. Затем неизвестно что именно произошло, но группировка снова достаточно быстро набрала людей и силы, перевооружилась, начала производить совершенно новые, гораздо более серьезные эксперименты, а количество Хозяев увеличилось. С тех пор еще несколько сотен человек проходили к Исполнителю в качестве Просителей, как тот старик, и не менее двух десятков прорывалось боями, обманом и хитростью, как Меченый. Каждый раз, как сталкеры-ходоки прорывались к Исполнителю, группировка Монолит претерпевала значительные изменения в структуре, качестве и тактике действий, словно Исполнитель и Хозяева узнавали что-то новое и получали каплю молодой крови. Кто знает, может, так оно и есть. Возможно, Ходок, дорвавшийся до Исполнителя, самый ценный приз для самого Исполнителя.

И вот первый день после выхода Дыма из карантина. Дождя с утра не было, тонкие полупрозрачные тучи едва скрывали солнце, превращающее серые облака в красноватые локоны. Мутировавшая сирень своим буйным темно-зеленым цветом оттесняла скромные кусты смородины, жимолости и редкого, шипастого боярышника. Несмотря на то что большая часть территории группировки была покрыта асфальтом и бетоном, строительным мусором, либо была безвозвратно отравлена, зеленые пучки травы прозрачным ковром пробивались тонкими стрелками и сквозь асфальт и трещины в бетоне, и через битый кирпич и дырявое железо, пробивались вверх к серому небу и окружали дружной толпой отравленные химией места, год за годом сужая круг. Скрытая в растительности сила оказалась гораздо сильнее и мудрее человека, продолжив свое существование там, где нормальное существование самого человека стало невозможно.

Дым вместе с вверенным ему отрядом бойцов поднялся на поверхность. Позади в полутора километрах высилась серая громада ЧАЭС. Продолжительный карантин и реабилитация после воздействия контролера заняли несколько дней. Для каждого сталкера контролер – один из самых опасных мутантов Зоны. Бьющий без промаха, мутант дистанционного воздействия. В зависимости от человека и мутанта, воля сталкера ломалась за пару или за десяток секунд. Но контролер, служащий Монолиту, и дикий контролер – разные вещи (см. книгу 1 «Страж Монолита». – Прим. автора). Если дикий, не пробудившийся контролер, блуждающий в глубокой и средней Зоне, лишь инстинктивно ищет и берет под контроль людей, буквально взламывая и разрывая ментальные связи человека, превращая того в тряпичную куклу, а после прекращения воздействия оставляя сталкера идиотом или трупом, то пробудившиеся контролеры не затрагивают критических ментальных связей человека и не блокируют импульсы головного мозга. Если сравнить нервные системы с электрической сетью, то дикий контролер подсоединяется последовательно как амперметр, сначала разорвав собственное управле-

ние своим телом сталкера и включаясь туда, а после выхода оставляя не сращиваемые разрывы ментальных связей, то проснувшийся контролер подсоединяется параллельно, как вольтметр, не нарушая собственных энергетических и ментальных связей человека. Если сравнить головной мозг человека и мутанта с радиостанцией, а это можно сделать, поскольку электрические процессы, протекающие в мозге человека, вполне можно регистрировать дистанционно специальной аппаратурой, то человеческий радиоприемник и ретранслятор буквально глушится мощнейшим электромагнитным импульсом контролера, заставляя транслировать не собственную песню, а то, что напевает контролер. Ну да ладно... Это все и многое другое объясняется на начальном курсе бойцов, только вошедших в группировку, для того чтобы они не боялись работать вместе с контролером. Хотя вреда от этого не было, равно как от профессионального гипноза. Знать и согласиться, что тебя поведет жуткого вида человекообразный мутант, было большим шагом для всех монолитовцев.

Однако вернемся к нашей пятерке, которая уже стояла на посту возле только что открытого пространственного среза. Две химеры стремительными тенями скользнули сквозь темное стекло пространства, едва оно зафиксировалось в размерах. Среди молчащих внешне монолитовцев на самом деле происходила оживленная беседа. Командира отряда расспрашивали о том, что было на той стороне, и других мелочах, в свою очередь рассказав ему, что все тот же Ходок стрелял в монолитовцев из гаусса на посту «Пятак», никого не убил, но, видимо, изучал пост в действии. Погоню ему вслед отправили, но взять не взяли, как сквозь землю провалился. Дым принял информацию к сведению. Что-то недоброе было в этом Ходоке, уж слишком он разборчив и последователен в своем желании добраться до Исполнителя. «Опасный тип», – сделал пометку для себя Дым, настраиваясь не промахнуться по Ходоку при следующем его появлении. Тем временем в темном стекле среза всполохнуло. Телепатические разговоры оборвались, пятерка рассыпалась веером вокруг среза, направив оружие к месту появления гостей. А о том, что гостей было несколько, говорили учащенные всполохи, по мере того как нечто с той стороны проходило сквозь прореху в пространстве. Дым, глядя через прицел, повел гауссом из стороны в сторону, примериваясь к проему, чуть выше поднял печенег Силыч, чуть громче зашипело сопло огнемета в руках третьего номера. Частота всполохов и уже белых вспышек подходили к своему завершению. «При первом появлении валим всех сразу, залпом, без разговоров», – скомандовал Дым отряду. Еще мгновение – и под пасмурное небо Зоны один за другим начали выходить... люди. Обычные гражданские, без оружия и обмундирования, в каких-то ярких, кричащих одеждах, некоторые в камуфляжных костюмах под милитари, но то, что это не военные и вообще не вояки, было видно сразу. Появившиеся люди, поблескивая фотоаппаратами на шеях, а некоторые – стеклами очков, выпучив глаза уставились на закованных в экзоскелеты монолитовцев, направивших на них свое устрашающего вида, уже частично приведенное в действие оружие. По истечении десятка секунд гражданских становилось все больше и больше. Свыше десятка идиотов выставилось на монолитовцев, большая часть, правда, глазела на огромного Силыча и пулемет в его руках, некоторые, охренев и сглотив слюну, пока еще робко, но все более офигевая от эмоций, начинали шелкать фотоаппаратами. Появившиеся сзади выдавливали передних, негромко и удивленно восклицая от увиденного. В толпе была слышна речь. Русская речь. Монолитовцы, в принципе ожидавшие чего-то другого, свою очередь удивленно уставились на них, однако в любой момент были готовы уничтожить объекты по первому сигналу командира.

«Отставить», – мысленно скомандовал отряду Дым.

Отряд синхронно поднял оружие вверх, не ставя тем не менее его на предохранители. Дым сдвинув дыхательную маску на грудь и, закрепив ее там в специальном пазу, обнажил лицо, показывая гражданским, кто здесь главный.

– Это закрытая территория. Кто вы такие? – спросил он голосом у толпы.

Толпа, к этому времени составлявшая порядка тридцати человек, уже вовсю расшелкалась фотоаппаратами, и гомон разговоров достиг неслыханной для глубокой Зоны плотности.

– ...елки-палки... солдаты... – слышалось из толпы.

– ...а говорят, у нас такие костюмы не...

– ...снимай, Саня, вот этого сни...

Понимая, что его никто не слышат, Дым дал сигнал Силычу, и громогласная, оглушающая очередь из печенега поверх голов гражданских моментально навела могильную тишину, на фоне которой жутким воем вдалеке проступил вой слепого пса и шорох сбитой пулями падающей листвы.

– Повторяю вопрос, кто такие?! – громко сказал Дым, сурово оглядывая пестрое сборище.

В толпе испуганно закрутили головами, приходя в чувство и отыскивая, видимо, парламентаря. Откуда-то из глубины выскользнула худенькая женщина, брюнетка в джинсах и красной куртке.

– Мы... э-э-э... туристы, приехали посетить Припять и территорию, прилегающую к ЧАЭС, – произнесла она, расширяя глаза от ужаса, когда Силыч шевельнул пулеметом. – Мы... э-э-э... где мы? – спросила она у Дыма. – И кто вы? Тут никогда никого не было... Я гид этой экскурсии... тут всегда лес был...

– Тут и сейчас лес. Закрытая территория, посторонним вход воспрещен! – подбирая слова, чтобы не вывернуться на идиотов, ответил Дым. – Разворачивайтесь кругом и уходите.

Некоторые из толпы обернулись и, увидев темно поблескивающее матовое пространство среза, удивленно и боязливо зароптали, опасаясь незнакомого явления прямо у них за спиной.

– Но позвольте! – в худенькой брюнетке, видимо, проснулся борец за гласность и демократию. – Здесь давно уже нет закрытой территории и никаких солдат! Нас не предупреждали... И почему мы обязаны идти туда? – она указала пальцем на срез.

– Здесь опасность радиоактивного и химического поражения, – терпеливо пояснил Дым. – Вы пришли этим путем, он выведет вас обратно. Проверьте свои счетчики, если имеете.

Несколько человек уткнулись в счетчики радиации.

– Фон повышен, но нормальный, такое бывает, это же ЧАЭС, – возразила брюнетка. – Наш автобус... – с этими словами она осеклась, пытаясь разглядеть автобус за срезом.

Но, видимо, и до нее начало что-то доходить. То ли непривычные, искаженные аномальным фоном и затихшей сейчас радиацией деревья под мрачным, давящим небом, то ли далекий, леденящий душу вой слепого пса, не затихающий уже больше минуты, то ли более чем серьезного вида бойцы в полном вооружении, а может быть, она и стоящие позади нее люди вслушались в дыхание Зоны. В любом случае эйфория от неожиданной встречи с бойцами в экзоскелетах пропала, а на смену ей пришли тянущее душу беспокойство и тревожность.

– Повторяю еще раз, – чувствуя настроение туристов, сказал Дым, – вам нужно немедленно уходить, для вашей же безопасности. Мы не отвечаем за вашу безопасность здесь.

– А где это – здесь? – звонко спросил худощавый парень, на вид лет двадцати, в синем спортивном костюме, поверх которого была накинута куртка с камуфляжной разрисовкой.

Дым промолчал, изучая спросившего.

– Это что за оружие у тебя в руках? – не унимался выскочка. – Это ведь Гаусс, верно? – не скрывая нездорового огонька в глазах, спросил он. – А вон у тех, это что? – указывая пальцем на громоздкую пси-плеть и разрядник. – А? Я знаю, кто вы, я всегда думал, что вы есть... Но как вы сюда попали?

– Повторяю, граждане туристы, – перебивая выскочку, повысил голос Дым, – эта зона опасна для гражданских. Немедленно покиньте территорию тем же путем, каким пришли.

Монолитовцы недвусмысленно направили оружие на туристов.

– Считаю до пяти, потом применяем силу. «Если они шас не двинутся, затолкай их, Силыч», – дал он команду по пси-связи. «Если остальные будут убегать, не наши проблемы», – дал Дым установку остальным.

От него не укрылся лихорадочный блеск глаз паренька в спортивном костюме. Но сейчас толпа с мычанием тупых зомби, оглядываясь на направленное на них оружие, двинулась обратно в пространство среза. После того как первые исчезли, остальные, обалдевшие от всего происходящего, послушно следовали за ними. Как только последний турист исчез из виду, бойцы облегченно вздохнули.

«Ну и придурки», – прокомментировал второй номер.

«Ага, даже не знают, как им повезло... Гражданские», – с презрительной интонацией добавил четвертый.

Через несколько минут из среза теньями выскользнули обе химеры, как и следовало ожидать при таком раскладе, целые и невредимые. Вдалеке заработали антенны, зашивая пространство, монолитовцы стояли на месте, ожидая завершения процесса. Вылазка была быстрой, химеры вернулись в первой половине дня, стало быть обед будет в столовой, а не на посту, это тоже хорошо. Отряд терпеливо ждал окончания процесса. Наконец пространство позади нормализовалось. Стали видны деревья, листва на земле и небольшие ветви без листьев, высохшие и отвалившиеся от родительницы. Там, между деревьев, что-то виднелось, то, чего ранее здесь не было, не сочетающееся с окружающей средой. Отряд приблизился к объекту, наполовину присыпанному листвой. Движением ноги Дым перевернул тело в камуфляжной куртке, из-под которой проглядывал синий спортивный костюм.

«Кость ему в горло, придурок, – не сдержался второй, проверяя пульс у того самого паренька с нездоровым блеском в глазах. – Живой еще, долбоящер».

Отряд замер, ожидая решения командира.

«Пусть валяется! – скомандовал Дым. – Уходим».

Никто из бойцов вверенного ему отряда не бросил и намека на сомнение в решении командира. Пятерка закованных в броню монолитовцев подхватила оружие и, развернувшись, направилась в сторону ЧАЭС.

– Пойдите... – послышался сдавленный, еле слышный шепот позади, после чего – шорох осыпающейся листвы и хриплый кашель. – Пойдите, куда вы...

Монолитовцы остановились и, развернувшись, смотрели на паренька, который, преодолевая головокружение и слабость в ногах, пытался встать из лесной подстилки. Наконец ему это удалось, и, пошатываясь, то и дело морщась от головной боли, он приблизился к бойцам. Сглотнув слюну и оглядевшись, задержав на некоторое время взгляд на том месте, где совсем недавно были другие туристы, он произнес:

– Блин, а где все? Ох ё... дайте воды, голова болит. Меня что, вырубил, что ли? Зачем? – парень скривившись ошупывал голову, ожидая обнаружить на голове шишку или другое место, которое бы обозначило, что его действительно ударили.

Дым тяжело вздохнул, снимая с пояса фляжку с водой.

– Ты на хрена тут остался, турист? – спросил он, выражая общий вопрос отряда.

Турист присосался к фляжке, жадно глотая воду. Отпив половину, он вернул фляжку владельцу. Его взгляд прояснился.

– Да я не специально, вы не думайте. Я тут не шпиону, вырубился просто, отстал от группы. Могу документы показать, – с этими словами он полез во внутренний карман, достал бумажник, из которого выпали несколько рублей мелочью и исчезли в листве.

Дым молча взял документы, даже не разглядывая их, подержал и вернул. Стоит ли узнавать имя человека, если жить ему в Зоне остается либо минуты, либо часы, если повезет.

– Что, даже имя не проверите? – недоумева спросил турист и убрал документ обратно в карман. – Вы мне хоть скажите, куда идти, я-то сам выйду, товарищ... – парень замешкался,

пытаясь разглядеть хоть какие-то знаки различия или погоны на экзоскелете монолитовца. – Офигенные у вас костюмчики, правда... Но я ничего не видел, – тут же исправился он, понимая видимо, что его замечания вряд ли придутся по вкусу секретной организации.

Дым молчал, обмениваясь информацией и запрашивая инструкции у первых номеров. Приказом сверху пришло: «Игнорировать». Монолитовцы синхронно развернулись и продолжили путь.

– Куда вы? А? Мне в какую сторону идти? А, командир? Але, народ? – опешивший от такого поворота, растерянно спросил парень.

Еще через пару минут его силуэт скрылся среди мрачных стволов смешанного леса.

Глава 6. Ход до базы

Почти сотню метров отряд шел в молчании, уже забыв о бедолаге туристе, но, видимо, сам турист не захотел быть потерянным, и, наступая, наверное, на все ветки в лесу и шоркая листвой, он догнал отряд, продолжающий маршировать уверенной бронированной поступью.

– Командир! – звонко и неприлично громко для этих мест крикнул он монолитовцу. – Пстой же, ну...

Отряд остановился, развернувшись к перешедшему с бега на шаг пареньку.

– Командир, я не помню, как и что произошло, но это другой лес. У меня телефон не берет ни фига. Тут до асфальта-то километров сорок должно быть. Блин, я ж не могу двое суток по лесу блуждать, вы хоть в рацию своим крикните, пусть свяжутся и скажут кому надо, что человек от группы отстал, а? У меня ни еды, ни питья, – парень растерянно оглянулся. – Я заплачу если надо, у меня, правда, немного... – с этими словами он полез за бумажником, достал все купюры, которые были, и робко протянул Дыму.

Монолитовец даже не шевельнулся в сторону протянутых денег и, смерив взглядом с ног до головы паренька, произнес:

– Это Зона, турист. Это здесь ничего не решает.

– Блин, мужики, чего вы? – не поняв смысла сказанного, огорченно протянул парень. – Я же сам... – тут до него, видимо, что-то начало доходить. Он растерянно огляделся, уже совсем другими глазами, вслушиваясь в мрачную атмосферу леса, которую сейчас не нарушал ни вой слепого пса, ни шелест листвы. – Какая Зона?.. Шутишь? – он неуверенно хохотнул. – Вы тут служите и над туристами угараете, походу? Зона только в книгах имеется, а, командир?

Дым не шевелясь смотрел в глаза парню. Остальные монолитовцы, чьи лица были частично скрыты дыхательными масками, не выражали ни тени юмора или усмешки. Турист убрал деньги в карман, не заморачиваясь укладыванием купюр в бумажник.

– Блин, вот вы угараете... – неуверенно произнес он.

– Тебе вроде знакомо вот это? – спросил Дым, делая шаг навстречу пареньку и показывая гаусс-винтовку.

– Ну... э... это же гаусс? На рисунках так выглядит... А вы, наверно, эти... сталкеры... – его глаза осветились радостным светом. – А... вы, походу, ребята – фанаты игры! Ну вы вообще! – восхищенно произнес он, не давая сказать и слова монолитовцу. – Ну вы красавцы, такие костюмы забабахали, шик... блин, а гаусс-то, гаусс!!! Смотри, как настоящий, – турист, сверкая восхищенно глазами, протянул руки, чтобы потрогать оружие, но Дым отстранился, слушая парня.

– Какие сталкеры? – спросил он, как только его ушей коснулась подозрительная информация.

– Ну как какие?! – воскликнул парень, теряя от восторга самообладание, с трудом держа себя в руках, чтобы не броситься обнимать бойцов. – Такие же, как вы, но до вас им далеко. У них, правда, кроме АК и макарова нет ничего, да и костюмчики... – турист перевел взгляд на Силыча, чей экзоскелет носил явные следы пулевых попаданий, оттиски зубов на щитках, а на грудной броне пластине явно виднелось пять глубоких борозд когтей кровососа.

– И где эти сталкеры? – уточнил Дым.

– Ну как где, приезжают на своем автобусе, рубятся тут... ну и в Припяти бывает, где почище... там киношки снимают классные... а потом уезжают.

– Уезжают? – недоуменно переспросил Дым.

– Ну да... тут-то и радиации хапнуть можно, если неосторожно. А ночью в лагерь, там гитара, костерок, водочка... девчата тоже есть... – мечтательно сказал турист.

– Девчата? – уже растерянно переспросил Дым. – В Зоне?

На минуту монолитовец застыл, туристу было и невдомек, что бойцы оживленно переговариваются, используя пси-связь. Наконец решение было принято.

– Короче, турист, смотри. Тут Зона – не та Зона, откуда ты пришел. Сталкеров и сталкерских лагерей, – Дым усмехнулся, – с гитарами тут нет, по крайней мере километров на десять-двадцать от ЧАЭС, девчат тоже. Ты – посторонний, нам до тебя нет дела. Делай что хочешь, выход из Зоны – там, – Дым махнул рукой на юг.

Монолитовцы развернулись и снова двинулись в путь, оставляя уже возрадовавшегося разрешению ситуации туриста в полнейшей растерянности.

– Э, народ, вы блин че, оборзели, что ли? – неожиданно резко крикнул им вслед парень. – Вам что, сложно телефон мне дать, я хоть позвоню, скажу, что застрял... чо вы как нелюди?

Дым развернулся и, выбрав сухое дерево, потерявшее большую часть ветвей, стоящее недалеко от туриста, прицелился и выстрелил в него из гаусса. Ствол дерева, с треском брызнув посередине золотистой щепой, разлетелся вдребезги, верхняя часть с шумом упала на лесную подстилку, поднимая движением ветра кучу листьев. Отряд продолжил путь, оставив ошарашенного, открывшего рот туриста в одиночестве.

Мысли о госте из «другой Зоны» немедленно вылетели из голов монолитовцев, но через двести метров неосторожное шуршание листвы обозначило преследующего их бедолагу, который уже откровенно бежал за ними.

– Блин, народ, ну кто вы там есть? Пойдите!

Отряд остановился. Дым очередной раз развернулся к парню. На этот раз гость остановился подальше, обоснованно побаиваясь бойцов.

– Мужики, там труп лежит! В лесу! – на бледном лице парня была видна нешуточная борьба страха, растерянности и настоятельной потребности действовать под выбросом адреналина. – Ребята, вы кто? – не без истеричной нотки спросил он.

Поняв, что парнишка не отстанет, и не видя смысла поддерживать легенду секретности, Дым ответил:

– Группировка Монолит. Командир отряда Дым.

– Вы что, серьезно, что ли? – турист отказывался верить в происходящее. – Это Зона?! Та самая Зона?!

Дым поискал глазами хоть что-то, чтобы до парня, наконец, дошло, где он находится, если отсутствие связи, таинственное исчезновение всей его группы, бойцы в полном вооружении, еще и труп какого-то сталкера в лесу все еще не дали понять парню, что он находится как минимум в очень опасном месте. Совсем недалеко от туриста, буквально в нескольких метрах, скрутила спиралью чахлый кустик и уложила характерным круговым рисунком упавшие листья свежая аномалия – «птичья карусель». Монолитовец подобрал с земли сучок и без замаха бросил в спящую аномалию. «Птичья карусель» на лету перехватила предмет и, крутанув его несколько раз, распознав как неинтересное и несъедобное, выбросила подальше от себя, заставляя подхваченные в охотничьем порыве листья взлететь, обрисовывая контуры аномалии, и тут же осыпаться.

– Аномалия... – зачарованно и растерянно прошептал парень, глядя во все глаза на опадающие листья. Воцарилось молчание. – Я же отсюда не выйду, – тихо сказал он. – Я где, возле ЧАЭС?

Дым кивнул. Совсем недалеко, метрах в двухстах, подал голос слепой пес, отчего у парня с непривычки дрогнули колени, да и бойцы почувствовали страх человека, такой сладкий и вкусный для всех мутантов. Стоит теперь им оставить парня одного, жить ему останется с десяток минут. Самые чувствительные мутанты метнутся к нему прямой наводкой. Дым сокрушенно покачал головой: говорили им всем, как людям, «возвращайтесь, здесь опасно», нет, всегда найдется один придурок, который все делает по-своему, который хочет все проверить на своей шкуре, только что прочности шкуры ему не хватит.

– Я... я пойду с вами, – не то попросил, не то сообщил он, затравленно глядя на Дыма.

Дым ничего не ответил, развернувшись, он дал команду бойцам продолжить путь. В конце концов команда была «игнорировать», а не оставить его в лесу, так что пусть делает что хочет, но нота сочувствия все-таки шевельнулась в душе бойца.

Обычно срез делали в паре километров от Мертвого Леса, выбирая место почище от аномалий и подальше от возможных посторонних глаз, нередко используя одну и ту же точку несколько раз. Так что дорога обратно от среза до базы занимала в среднем полчаса, но сейчас, поскольку экспедиция химер была закончена очень быстро, сверху было дано задание возвращающемуся отряду пройти через пост «Пятак», возле которого недавно было замечено движение. Под словом «движение» подразумевалось не движение мутантов, а появление сталкеров. Таким образом, Дым, получив задание, изменил маршрут, и обычно короткая дорога теперь затягивалась на несколько часов, с учетом того, что их ничего не задержит. Парень же, конечно, ни о чем не догадываясь, шел позади колонны, крутя головой во все стороны, стараясь, однако, не сходить с оставленных отрядом отпечатков.

Он и понятия не имел, что бойцы время от времени свободно переговариваются по пси-связи. Для него они были мрачными, тяжеловооруженными силуэтами, шагающими по сырой листве леса, словно огромные средневековые бронированные завоеватели чужих земель. Он был настолько подавлен и ошарашен произошедшим, что, обычно общительный по натуре и тяготившийся безмолвием, стеснялся спросить хоть что-либо у бойцов. Пару раз в воздухе пахло озоном, чаще сырой древесиной или земляной сыростью. Несколько раз, правда, он видел огромные красные цветы, которые монолитовцы то ли обходили, то ли просто каждый раз так меняли маршрут, что разглядеть их поближе не было возможности. Иногда ему попадались в поле зрения какие-то кости, иногда лежащие, потерявшие форму тряпки камуфляжного тона. Сам по себе лес и поляны были такими чужими, в каких-то неуловимых глазу элементах, что сразу и не получалось выхватить всю картину, приходилось прилагать усилия, чтобы заставить себя понять, где он находится и что делает, от этого становилось не по себе, даже среди хоть и сумрачного, но все-таки дня. Во все глаза глядевший на это Турист все больше понимал, что отстать от группы было бы вторым самым глупым решением за сегодня. Тем не менее время шло, и через почти час хода он, наконец, решился спросить у шагнувшего впереди него самого большого монолитовца, легко придерживающего пулемет в походном положении на локте.

– У... уважаемый, – негромко, боясь сделать что-нибудь не так, начал он, готовый наглухо заткнуться при необходимости, если ему только намекнут.

Шагающий впереди монолитовец не обернулся.

– Уважаемый! – чуть громче обратился он.

Шагающая впереди механизированная гора мяса слегка удивленно повернула голову, затем, прокашлявшись и не сбавляя шага, буркнула:

– Чего?

– А куда мы идем? То есть если... долго еще?

– Как получится, – спокойно и немного задумчиво ответила фигура.

– А... – протянул парень, понимая, что если он замолчит сейчас, то возможности поговорить в другой раз может и не быть, к тому же огромный боец вроде бы не проявляет к нему неприязни, а тот недобрый командир, шагающий первым, не слышит их. – Меня... – затем, вспомнив, что его имя никому не интересно, он решил не повторять историю с паспортом и спросил другое. – А что там за кости лежали по пути?

– Разное. Кровососы, кабаны, иногда собаки, сталкеры, – ответил боец, держа голову чуть повернутой влево, чтобы лучше слышать замыкающего колонну парня.

– А... – собираясь с мыслями и все еще не до конца веря в происходящее, произнес парень, срочно придумывая, чтобы еще спросить. Куча вопросов, которая вертелась на языке, стала беспомощной и не нужной после ответа монолитовца.

– Ты зря от группы отошел, – спустя пару минут вернулся к разговору боец. – Зря. Чего хотел-то?

– Да я как бы... – парень замылся, пытаясь сообразить, какого лешего он вдруг решил погеройствовать при виде не пускающих их вооруженных людей. – Интересно было, – монолитовец молчал, размеренно шагая по лесной подстилке. – Я же читал про Зону... С ума сойти, как такое возможно?! – больше говоря самому себе, произнес турист. – Я же хотел, чтобы она была, хотел бродить по ней, изучать... Она мне даже по ночам снилась... – растерянно произнес он.

– Правда? – с интересом спросил боец.

Почему-то, после того как турист вспомнил о своих снах, от которых он просыпался почти всегда полчетвертого ночи, ему стало спокойнее. В снах он все время бродил в непонятных местах, угрозы и опасности, видимые им, как будто не замечали его, и еще у него всегда было ощущение, что он находится в двух местах одновременно или делает что-то сам и в то же время смотрит на себя со стороны. Иногда во сне на него бросается огромная, невероятных размеров собака, или волк, но дальше, именно в подобные моменты, сон обрывался, и он просыпался в кровати, а зеленые светящиеся цифры электронных часов показывали полчетвертого ночи плюс-минус несколько минут, и в душе оставалось ощущение чего-то неделанного, таинственного, тревожно щемящего душу. Теперь самому туристу расхотелось беспокоить бойца, и он, пытаясь вспомнить свои сны, устался на спину шедшего впереди монолитовца, заодно изучая, как работает экзоскелет. Блестящие штоки спаренных цилиндров бесшумно выдвигались в такт шагов человека, мощная броневая деталь на спине, выполненная из сегментов, напоминала спину австралийского броненосца, с плоскими баллонами, ближе к краям пластины. Добавочные плечевые накладки с какими-то креплениями, несколько странного вида металлические застежки, приковывающие шлем бойца к плечам, и пара маленьких цилиндров, отвечающих за поворот головы. При всем при этом гудения или шипения, характерного для механизмов, не было слышно, лишь глубокие отпечатки ног говорили об общем весе бойца.

– Простите, а у вас на костюме цилиндры гидравлические или пневматические? – наконец задал турист действительно заинтересовавший его вопрос, поскольку в механике он был относительно сведущ.

– Комбинированная система, – через минуту ответил монолитовец. – Если силы не требуется, берем газ, на медленные, где нужен тоннаж, – гидравлика.

– Так у вас там и компрессор, и гидравлический насос? – пытаясь разглядеть возможное местонахождение агрегатов, спросил парень.

– Нет, насос один, и рабочая жидкость одна, режимы разные. Можно домкратить, можно бегать. Вопрос в жидкости: если пропустить ток, становится газом, если дать другой вольтаж – снова жидкостью, в общем, по потребности. Бак один, вот справа, на спине, – охотно ответил боец.

– А что за жидкость такая... должна же пениться при таком режиме...

– А ты, смотрю, соображаешь в механизмах? – прокомментировал боец. – Жидкость, само собой, непростая. Тебе на что?

– Да так... – смутился парень.

– Ничего страшного, спрашивай пока. За спрос в отмычки не пошлем, – пошутил он.

– А? В отмычки? Нет, не надо... А что за насос, от чего работает?

– Насос особый, там, на Большой Земле, таких нет. Мягкий, ударов не боится, саморегулирующийся, мощный... как сердце, только механический. Работает частично сам по себе, в режиме ожидания, подзарядка от силовых полей, ну ее можно в расчет не брать, а при активности – аккумуляторы, – монолитовец сделал паузу и уже другим тоном произнес: – Аккумуляторы – сборка местная, одного на сутки бега хватит. Ну-ка, турист, подь сюды, – боец оста-

новился и, протянув огромную ручищу, протолкнул парня впереди себя. – Подходим. Твое время еще не пришло.

Турист и сам понял, что тот лес, играющий легкими осенними красками, закончился, и они вошли в совсем другую обитель. Отряд из шести человек, один из которых был явно «одет не по погоде», вступил в полосу Мертвого Леса. Изуродованные симбиозом с аномальным жгучим пухом, радиацией и воздействием Выбросов, почерневшие тополя и осины зловеще оцеперились торчащими, хватающими из-под земли за ноги клыкастыми корнями и пиками нижних обломанных и высохших ветвей. Кое-где проглядывались неряшливые клоки жгучего пуха, а в некоторых местах целые охапки, частично сползшие с деревьев или поддерживаемые мертвыми, черными сучьями. Воздух казался сухим и колючим, одновременно воспаляющий слизистую носа и вызывающий неприятное пощипывание глаз.

– Ты, парнишка, сейчас смотри под ноги, головой не крути, – посоветовал ему идущий вплотную позади огромный боец. – Будут стрелять, просто присядь, за ногу меня держи, если надо, и это... поспокойнее себя веди, не маленький. Усек? – спросил боец, переводя пулемет в боевое положение.

– Да, – парень кашлянул. – Горло щиплет, и нос... и глаза вроде. Газ?

– Нет. Пух потревожили, порвали, потоптали, труха с него в воздухе. Через тряпку дыши. Все, теперь ни гу-гу, турист.

Парень замолк, приложив ко рту и носу рукав камуфляжной куртки. Опустив вниз голову, он не отрывал взгляда от протоптанной среди негостеприимной среды дорожки, зная хотя бы по книгам о немилосердности жгучего пуха. Совет монолитовца не крутить головой улетучился из головы сразу же, едва слева от тропы он услышал, а затем и увидел черные мечущиеся тени, с низким гортанным рыком как будто гоняющиеся друг за другом. Тем не менее отряд шел, не сбавляя скорости. Сначала незаметно, а затем все более явно на стволах деревьев стали видны капли крови. Через пару десятков метров группа вышла на сравнительно открытую поляну, где валялись оружие, пара зеленых шлемов и рюкзак. На темных стволах деревьев светлели свежие сколы, оставленные автоматными пулями, имеющийся кустарник был поломан и обрызган кровью. То, что увидел, подняв голову, турист, заставило его вскрикнуть от ужаса, сильнее прижав рукав куртки ко рту. На противоположной стороне поляны высилась громадная, синевато-сизая спина чудовища высотой более двух метров. Чудовище урча возилось над чем-то лежащим на земле, помогая себе маленькими лапками. «Псевдогигант», – понял турист, расширенными от ужаса глазами наблюдая, как мутант поднял в пасти лишенное конечностей окровавленное и раздетое тело человека и, словно хищная птица, подкинув в воздухе, перехватил поудобнее, после чего раздался хруст грудной клетки. Спазм голо-совых связок и судорожно закусанный до скрипа кожи рукав не дали ему закричать во все горло, но все же какой-то звук вырвался наружу и коснулся слуха мутанта. Мутант замер с торчащими окровавленными останками человека во рту, обернувшись на сколько ему позволяло его малоподвижное тело. Монолитовцы, держа на прицеле чудовище, медленно попятись назад. Силыч, шедший за паренком, одной рукой схватил его, окаменевшего, за куртку между лопаток и в таком положении, словно статую, понес перед собой, причем ноги паренка уже не касались земли. Мутант, обернувшись уже полностью на звук хрустнувшей под ногой одного из бойцов ветки, встретился взглядом бессмысленных глаз, с вздувшимися до размеров мизинца руки кровеносными сосудами, с туристом. Сказать, что пережил новичок при виде окровавленной огромной морды, на которой виднелись шишки застрявших в толстой шкуре пуль с сочащейся из почти затянувшихся ран кровью, невозможно. Псевдогигант, не замечая бойцов Монолита, открыл рот, из которого выпал окровавленный труп, и вдруг, словно став толще, дернулся, поднимая одну из толстых ног высоко вверх. Все оружие отряда, кроме огнемёта, ударило одновременно. Пулемет Силыча бешеной дробью ударил по опорной ноге, гаусс Дыма, вбивая разогнанные до сверхзвуковой скорости стальные цилиндры,

крошил необоримые суставы той же ноги, пси-плеть и электрическая дуга, освещая нестерпимым светом всю поляну, выжигали нервную систему и плоть мутанта. Грозный рев зверя перешел в нестерпимый визг, и мутант рухнул замертво, дымясь и расплзаясь под собственным весом. Через секунду Мертвый Лес огласился рыками метавшихся поодаль кровососов. Отряд мгновенно сплотился вокруг незащищенного парня, выставив оружие. Одурманенные запахом смерти кровососы не решались нападать на бойцов, каждый раз намереваясь выхватить из кольца туриста, они в последний момент закладывали крутой вираж, избегая столкновения с группой. Почти минуту они прозрачными преломлениями воздуха и белым эфемерным сверканием безжалостных глаз носились вокруг людей, пока наконец понимание недоступности добычи одновременно с жаждой свежей крови не погнало охотников искать более приемлемый вариант удовлетворения вечной жажды.

Без всякого сигнала трое из пяти монолитовцев принялись обыскивать поляну и окрестности вокруг нее. Парень стоял ни жив ни мертв, тяжело и с хрипом дыша через судорожно прижатую ко рту руку. Два бойца остались рядом с ним, Силыч с пулеметом и боец с пси-плетью. Громко выдохнув, Силыч посмотрел на паренька:

– Ну вот, топтыгу ни за что завалили, могли бы прогнать... – нейтрально сказал он.

Парень тяжело дышал, пытаясь успокоиться и хоть чуть-чуть расслабить судорожно прижатую ко рту руку. Наконец ему это удалось, и тихим, не своим голосом он произнес:

– Я думал все... конец...

– Конец, не конец... тут, в Зоне, еще не ясно, какой из концов лучше, – меланхолично подал голос монолитовец с пси-плетью.

– Да куда уж лучше этого... – турист поглядел на мертвого, ставшего бесформенной кучей плоти псевдогиганта и частично торчащего из-под него трупа человека.

Монолитовец с пси-плетью пожал плечами, Силыч тоже промолчал.

Между тем тройка обшаривающих окрестности монолитовцев начала вытаскивать окровавленные снаружи, но схожие предсмертной маской трупы. Чернота вокруг глаз, открытый рот с синими губами, ввалившиеся щеки и какая-то слишком четко прорисованная шея, обрамленная мелкими, частыми, едва видимыми в скудном освещении черными проколами. Все добыты кровососами.

– «Синие», – доложил группе и нескольким первым номерам группировки по общей пси-связи Дым, разглядывая обмундирование. – Семь человек, все двухсотые. Похоже, притащили за собой свору, она их тут и положила.

– Наемники, – негромко сказал вслух парню Силыч.

Через десяток секунд внутренних телепатических разговоров между командиром отряда и первыми номерами группировки отряд снова выстроился в колонну, на этот раз замыкающим шел Силыч. Через короткое время отряд дошел до поста.

Пост «Пятак», если смотреть на него со стороны Мертвого Леса, представлял собой несколько мешков с песком посреди как будто чистого пространства. Но фокус этого поста был в том, что видимость была не более трехсот метров в каждую сторону, дальше пространство отсекалось танцующей стеной преломляющегося воздуха, за которым казалось такое же открытое пространство. Стоило человеку войти на контрольную полосу, как Мертвый Лес позади него становился меньше и дальше, скрываясь и размазываясь отдаляющей его миражом воздушной стеной. Единственное, что было видно, став на тропу, ведущую к мешкам с песком, за которым маячили два непропорционально маленьких силуэта стоящих на посту монолитовцев, это небольшое, также искажаемое маревом озеро в углублении, не закрытое ни камышом, ни кустарником, казавшееся просто круглой лужей диаметром в несколько метров.

Отряд быстро миновал оставшиеся десятки метров Мертвого Леса и вышел на прямую тропу, ведущую к мешкам с песком. Нечто похожее на надежду забрезжило в душе парня при виде хоть какого-то признака цивилизации, пусть даже в виде сложенных друг на друга меш-

ков с песком. Кроме того, раздражавшие глаза и нос микроскопические частицы жгучего пуха перестали беспокоить его. Почувствовав себя намного лучше, он начал осматривать окрестности. В этом месте воздух преломлял все, визуально отдаляя и искажая очертания. Например, Дым, шедший первым, казался чуть ли не на голову меньше своего действительного роста, отчего он казался намного дальше чем есть.

Внимание парня привлекло какое-то движение вокруг озера. Вглядевшись, он увидел силуэт, и чем сильнее он старался разглядеть его, тем четче и понятнее становилась фигура, наконец пространство выпрямилось, перестало искажать и даже приблизило то, на что он смотрел. Все произошло мгновенно, словно отточенная режиссерская постановка. Фигура, внешне напоминающая стоящую спиной к нему по пояс в воде девушку с длинными волосами, возле которой плавал какой-то бытовой мусор, то ли белые пластиковые бутылки, то ли еще что-то, обернулась, и глаза парня встретились с пронзительным взглядом желтых глаз. Лицо существа, которое хоть и напоминало человеческое, но больше походило на лицо серой фарфоровой куклы, однажды разбитое на мелкие осколки и склеенное вновь. Осколки лица составляли целую картину, но немного шевелились, приподнимаясь и чуть-чуть смещаясь относительно друг друга. Существо вызывало такое отвращение и ужас, что он непроизвольно попятился назад и, споткнувшись о собственную ногу, упал на землю. Картина резко отдалилась, нечто, плеснув огромным хвостом, скрылось в воде ставшего вдруг снова маленьким озера.

– Ну что увидел? – с усмешкой спросил идущий за ним монолитовец.

– Ох... ренеть! – вскрикнул турист, сдерживаясь, чтобы не выплеснуть испуг в более грубой форме. – Что это за фигня?! – спешно поднимаясь и отряхиваясь, спросил он, с трудом сдерживая колотящую его дрожь и ощущая проступивший на лбу холодный пот.

– Кикимора, русалка, водолей, сирена... по-разному называют, – ответил боец. – Дурное место.

– А откуда они? Не было же таких, – все еще приходя в себя от пережитого, спросил парень.

– Да это не из Зоны, это... короче, они, видимо, всегда тут были, это, как тебе сказать... Вот есть место, откуда ты пришел, а есть места, откуда и всякое другое может появиться. Терпеть их не могу, – признался монолитовец.

– А чего вы их не перестреляете?

– Не требовалось. К тому же они сами не могут выйти, другое там все. Надо, чтобы ты к ним подошел, в их мир, так сказать. С нашего горизонта в них стрелять бесполезно. А там уже другие танцы, короче, кроме химер туда никто не суется, опасно, но заманить они тебя к себе могут, этим и занимаются... Поэтому мы на них не особо пялимся, хотя есть любители, развлекаются, – Силыч добродушно хохотнул.

– Бутылки к ним кидаете, что ли? – спросил турист, припоминая плавающий вокруг кикиморы мусор.

– Бутылки? Нет, такого не держим... А! – воскликнул он, – это яйца ихние, размножаются, на нерест, видать, вышла. Тьфу!

Силыч внезапно замолк. Командир дал команду держать дистанцию с посторонним. Дальше шли молча. Отряд безмолвно для ожидавшего хоть какого-то диалога новичка между монолитовцами миновал пост. Бойцы ограничились лишь несколькими едва заметными жестами и продолжили свой путь уже по территории группировки. Видимость стала нормальной, и шедший среди монолитовцев парень своими глазами увидел ЧАЭС. Она была огромной и не такой, как на фотографиях. Серые выщербленные стены и корпуса, огромные трубы, уходящие в небо, гигантские линии электропередач с большинством оборванных и покрытых ржавым волосом проводов, множество полуразрушенных построек и строительного мусора. Всего этого не должно было быть, этого не было на фотографиях, которые он изучал и в которых он ориентировался не хуже инженеров-проектировщиков, когда-то строивших станцию.

Оглядывая совершенно незнакомые постройки, недостройки и чудовищных размеров корпуса, турист все больше понимал самое страшное – ему некуда идти. Некуда идти, даже если он покинет пределы Зоны. Это совсем другая земля, другая история и другой мир. Ошарашенный и растерянный, он шагал в ногу с впереди идущим бойцом, продвигаясь уже среди возведенных возле станции вспомогательных строений. Пустыри менялись полуразрушенными зданиями, кустистые аллеи скрывали ржавые металлические ограждения, оставшиеся еще с советских времен, а треснувший и вспучившийся под нажимом снизу асфальт вел его в совершенно новый и незнакомый мир. По пути встретилось несколько бойцов группировки, с которыми идущий отряд также не обмолвился ни словом.

«Отмороженные они какие-то, не здороваются, не прощаются», – отстраненно подумал парень, наблюдая, как командир их отряда остановился, а четверо бойцов продолжили путь в сторону торчащего посреди небольшой голой площадки строения, которое явно уходило под землю, и видимая часть больше напоминала огромную наклоненную вентиляционную шахту с толстенной металлической дверью черного цвета.

Недалеко от того места, где они остановились, было нечто, напоминающее полосу препятствий для военнослужащих, с большим количеством отпечатков сапог. Перекладыны, ямы, заборы, кирпичные кладки с бойницами, крыши. Несколько скамеек, буквально в десятке метров от туриста. На одной из них спиной к стоящим сидел странного вида человек, который, почувствовав взгляд парня, грузно встал и развернулся.

«Контролер», – успел понять парень и хотел поднять руку или крикнуть, привлекая внимание бойцов.

Крик застрял в горле, рука безвольно повисла, глаза парня закатились, из-под затрепетавших век проступила слеза. Монолитовец стоял рядом, спокойно стирая какое-то пятно с оружия. Через несколько секунд контролер отпустил парня, отвернулся и сел на скамейку. Глаза парня широко открылись.

– Контролер! – заорал он, пальцем одной руки указывая на мутанта, а другой хватаясь за стоящего рядом монолитовца. – Командир, контролер, – уже чуть тише и немного растерянно, видя нулевую реакцию бойца, проговорил он. – Командир, это же... – он, пригнувшись и прищурившись, уставился на спину мутанта, – это же не человек...

Дым, а именно он сейчас стоял недалеко от кричащего, словно только сейчас увидел парня. Отскоблив наконец защищенным перчаткой пальцем какую-то грязевую нашлапку на гладкой поверхности гаусса, он прокомментировал:

– Не ори, турист, он этого не любит. Будем считать, что тест на порядочность и благонадежность ты прошел. Можешь оставаться на территории сколько нужно.

С этими словами он развернулся и зашагал в бункер. Турист, не очень понимая, в чем дело, остался один перед неуютного вида пустырем, посреди которого торчало что-то напоминающее вентиляционную шахту, поодаль находилось множество непригодных для жилья разрушенных построек, частично скрытых пышно растущим кустарником, а в нескольких метрах от него, не обращая внимания на него и на стоящих поодаль бойцов Монолита, сидел контролер. Вечерело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.